

Элла Чак

Тайна трех

Кто-то из них знает правду.
Кто-то выдает себя за другого.
А кто-то... скоро умрет.

Элла Чак
Тайна трех
Серия «Академия тайн»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69977491
ISBN 978-5-04-195612-7

Аннотация

Частная школа для одаренных подростков из богатых семей. Гениальная подруга, которая выращивает ядовитые растения в своей личной оранжерее. И тайна, требующая тщательного расследования...

Роман понравится поклонникам «Тайной истории» Донны Тартт и трилогии «Игры наследников» Дженнифер Барнс. Это уникальная Темная академия XXI века, где искусство, эстетика и наука соседствуют с дерзкими экспериментами и новыми технологиями.

Кто-то из них знает правду. Кто-то выдает себя за другого. А кто-то... скоро умрет.

Кира Журавлева не помнит себя до 10 лет. Все ее детские фото изрезаны зигзагом, кроме одного. Мать куда-то вечно сбегает с геранью в руках, а отец постоянно врет...

Когда девушке выпадает шанс доучиться в выпускном классе в Москве, она не раздумывает. Ведь там Кира будет жить у

друзей семьи – Воронцовых. Тех самых, что изображены на единственном уцелевшем снимке. Могут ли эти люди знать то, что столько лет скрывают ее родители?

Воронцовы встречают Киру в своем особняке. Теперь она ходит в частную школу для одаренных подростков вместе с их дочерью Аллой и втайне расследует обстоятельства своего прошлого.

Алла в свои 19 лет отлично разбирается в ядах и пишет статьи для научных журналов. Вот только ее способности куда поразительнее: она может предсказать чужую смерть. Математически. И, кажется, жертва из ее последней формулы-прогноза как-то связана с Кирой...

Триллер-загадка, где нельзя доверять никому и ничему. Где дружба и любовь – лишь декорации к гениальному злодейскому замыслу. А финал переворачивает представление о книге с ног на голову.

«Невероятная фантазия автора и реализация задумки не давали оторваться от книги до самого конца...» – Анастасия (@Diagon_Alley_Channel)

«Позвольте себе запутаться в этой паутине, сотканной из безумия.

Позвольте себе не понимать, что происходит, потому что вырезанная зигзагом и упрятанная в математическое уравнение правда останется недостижимой до финала и приятно удивит». – Алена (@alexenko_alena)

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	8
Глава 2	38
Глава 3	67
Глава 4	111
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Элла Чак

Тайна трех

Иллюстрация на обложке Станиславы Иванкевич (Night Crow)

© Чак Э., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Часть 1

Алая, Вороной и Серый

*Узнать правду или вообразить ее – что
выберешь ты?*

Глава 1

Аквариумные рыбки по рецепту мамы

Больше всего на свете я боялась стать такой, как моя мама.

В ней был намешан коктейль непонятных для меня поступков, историй, разговоров: то ли реальных, то ли выдуманных. В детстве (пусть я и помнила себя только с десяти) она говорила, что мой дедушка астроном и космонавт, но в тринадцать я узнала, что дедуля полжизни проработал билетером в планетарии.

Выдумки про космонавта – цветочки, настоящие растения-убийцы – поступки мамы, объяснений которым не существовало во всей необъятной вселенной.

Например, она резала ножницами все фотографии, где мне меньше десяти. Я видела себя малышкой на чьих-то обрезанных зигзагом руках. Осталась треть снимка, где я играю в песочнице и на кого-то смотрю, открыв беззубый рот. Сотни зигзагов, тысячи кусочков детства, которого и без того в моей памяти не осталось.

Я и сама выросла похожей на зигзаг. То в одну сторону порвусь – приспичило заниматься гимнастикой, то в другую – когда записалась на хоккей. То отрежу волосы до висков, то отращу локоны до пояса. Проколю пять дырок в моче, а

потом ни разу не вдену в них серьги-гвоздики.

Вопрос «Почему ты режешь мои детские фотки?» звучал для мамы примерно так: «Почему анализ астроспектроскопии показывает результат в ПЗС-матрице равной нулю?»

Она не понимала смысла моих слов.

Нулю равнялись ее ответы. Мама хлопала ресницами – всегда накрашенными и подкрученными, – открывала рот, замирая не хуже отцовских аквариумных рыбок. Когда в летний день окна в квартире распахивались настежь, я смотрела на шевеление ее пышных юбок в стиле сороковых. Ткань струилась по телу матери нарядной чешуей, подрагивали плавники-оборки и бантик кухонного фартука – точь-в-точь рыбка зеленый меченосец, которую отец приобрел в прошлом месяце.

С таким же успехом я могла задавать вопрос про обкромсанные снимки отцовским меченосцам, гуппи и гурами.

В редких исключениях, если мама вместо молчания собирала фразы из выученных слов, звучали они так: «Не пора ли купить елку, Кира?»

На дворе стоял август.

Или: «Как ты думаешь, у нового коврика-половика желтый цвет выглядит новорожденным янтарем? Или он осенний грустный?»

И я кивала в ответ. И папа кивал. И рыбки кивали. И соседи, давно махнувшие на нас всеми частями тела, тоже. Все знали, что за дверью нашего дома «не все дома».

В семье Журавлевых царило безмолвное согласие. Папа соглашался с мамой, лишь бы избежать ее припадочной истерики; я соглашалась с ними обоими, лишь бы избежать придинок и вопросов о своем университетском будущем; а мама не соглашалась ни с кем. Делала она это в фирменном запатентованном стиле – хватала с подоконника герань, из чулана тяпку, скрываясь в неизвестном направлении. Даже в феврале. Всегда с геранью и тяпкой в обнимку.

Частенько мне хотелось подойти к отцу и пнуть ему прямо в лоб: «Почему мать сошла с ума?! Как это случилось?»

Представляю, как он поворачивается на вращающемся офисном стуле и отвечает заготовленную фразу, поглядывая на меня через стекло прозрачной литровой кружки, в которой за жидкостью чайного цвета скрывается крепкий алкоголь:

– Это радиоактивные кролики виноваты, Кира. Спроси у бабушки. Она знает. Это все кролики, дочь.

Произнося «дочь» с интонационным ударением, отец давал понять – разговор окончен. Даже еще не начатый. Я смотрела на стайки гуппи, представляя в пузырьках воздуха вокруг них все заданные мной вопросы, вылетающие прочь из аквариума навстречу дедуле-космонавту.

Я не любила отцовский аквариум. Так же, как я сейчас, немигающим взглядом в него всматривалась мама, пересчитывая рыбешек, пропуская вторую, двенадцатую, двадцатую,

двадцать вторую... и остальные номера с цифрой «два».

Почему?!

Хм.

Кого бы спросить?.. Маму с геранью и тяпкой или отца с вискарем вместо заварки?

И тогда я шла к бабушке, которая первой нашла объяснения маминой странности... в кроликах.

На кроликов списывались все неприятности в семье. Ангина – кролики. Моя пара по алгебре – «что вы хотите от ребенка, это все кролики, которых мы съели!». Просрочили взнос по кредиту – какая может быть память после столь памятной крольчатины?!

– Бабуль, я тоже стану... такой... особенной? – спросила я бабушку в четырнадцать, когда, взрослея, начала осознавать – моя мама с приветом.

– Ты уже особенная, Кирочка, – отвечала бабушка. – Мы любим тебя. Любой.

Надеюсь, она говорила не про мои шесть пальцев на левой ноге (тоже из-за кроликов).

– Мама постоянно несет бред! Я позвала ее в кино, купила билеты, а в зале она не разрешила рядом сесть. Оставила между нами пустое кресло, – возмущалась я.

– Для кого? – уточнила бабушка, перестав лепить сто пятый пельмень (я любила считать все, что вижу... как мама).

– Для герани! Прикинь! Она всюду таскает ее с собой! Ну, когда у нее «плохие дни». Так и сидела в обнимку с кустом.

– Это кролики виноваты, ай, ну как же мы... с теми кроликами, вот же не повезло! Как Мариночка любила крольчатину, как она ее любила, м-м-м...

– Ба, хватит про кролей! Из-за них она порезала мои детские фотки? Из-за них с катушек слетела? Из-за них ненавидит двойки и забывает мое имя?!

– Приезжай на выходные в сад, Кирюша, – подливала бабушка кипятка в крепкий чай, добавляя третью ложку варенья на хлеб, с которого уже до моего локтя вишневой жижи натекло, – лето, каникулы! Подышишь воздухом, малины с куста наешься. Приезжай, внучка!

– Приеду, – решила я немного поюлить, – если расскажешь про фотки! Почему я везде зигзагом?

Бабушка делала вид, что вместо пельменей нужно срочно заняться закручиванием тринадцати банок огурцов: дезинфицировать тару, резать чеснок, а я тут с зигзагами пристаю.

– Почему? – забрала я у бабушки прижатую к груди новорожденной тройней стеклянную утварь. – Скажи! Я хочу знать!

– Кирюша, – вздохнула бабушка, – это же все радиоактивные кро...

– Нет! Хва-а-а-ти-и-ит! – выпустила я из рук и бабушку, и ее банки-тройняшки.

Мой визг смешался со звоном битого стекла. Чтобы не смотреть в глаза бабули и не демонстрировать свои, заплаканные, я ринулась подбирать осколки.

– Оставь, Кирюша, оставь!

– Прости, они случайно разбились...

– Нет, Кирюша. Не банки. Оставь в покое мать. Не спрашивай про карточки. Не скажет. Нечего тут говорить. Такая она, и все. И не изменится...

Бабушка подвинула стул под дупло у потолка, что вело на антресоли. Я смотрела, как внутри разношенных тапочек скользят бабушкины старческие ноги в шерстяных носках, а потом на осколки от банок прямо под подошвами. Она куда-то тянулась и кряхтела, пока не спустила мне на голову коробку.

– Ба, аккуратней! – помогла я ей слезть. – Что это?

– Открой, Кирюша, – она достала себе пузырек с валерианкой, – сама открой.

Обувная коробка выглядела древней. Из мягкого коричневого картона. Уголки скреплены скотчем. Сдвинув крышку, я вдохнула аромат нафталина, хрустнула вата, мои пальцы уткнулись во что-то бумажное, гладкое.

– Фотографии, – вытащила я охапку черно-белых снимков прошлого века, годов семидесятых. – Но... – не укладывалось у меня в голове. – Эти тоже...

Все они были разрезаны, как мои, – зигзагом. Вторых половинок не было. Словно пятилетке дали ножницы и все семейные альбомы – тренироваться вырезать аппликации.

– А кто на них был? – спрашивала я, перебирая раритет. – Кого она вырезала?

Белые прострелы заломов, опаленные огнем уголки, треснувший молниями глянец, что хранил мгновения чьих-то жизней. Жизни моей мамы, которую я сразу узнала. На ней была школьная форма Советского Союза – коричневое платье с черным фартуком. А на лице светилась моя улыбка. Словно кто-то обработал нас в фотошопе, слепив из ДНК отца и матери мой геном. Крупные зубы и широкий рот достались мне от нее. И волосы у нас похожи – длинные, немного вьющиеся.

Моя подруга Светка ревела в три ручья, когда три года назад я обрезала их выше ушей и выкрасила в синий, сбрив виски. Весь седьмой класс эпатировала учителей, пока Надя Горохова не нарастила искусственные прядки с цветным канкалоном. Она заплетала с ним толстые косы, став копией лошадки Черри-Бэрри. Была у меня такая игрушка пони в детстве с цветными прядками в гриве и хвосте.

Копна Гороховой возвышалась с первой парты, перекрывая обзор доски. Все тут же переключили внимание на Надю, копируя ее стиль, и я поняла, что слишком взрослая для синтетических париков, решив вернуться к естественности (на самом деле я всегда была старше всех на год, так как полностью пропустила третий класс. Зато теперь, в одиннадцатом, мне было уже восемнадцать и месяц назад я сдала на водительские права). С тех пор волосы снова отросли до пояса, я никогда не сушила их феном и не красила краской.

– Не она, внучка. Не она их порезала. Я это сделала, –

грустно смотрела она на коробку, выпивая капли второй раз.

– Ты? Зачем, ба? Кого ты отрезала?

Руки бабушки вытянулись к коробке, но в последний момент она отдернула пальцы, не решаясь прикоснуться.

– Прощлое отрезала, внучка, прошлое, которого нет. Его больше нет. Не нужно хранить исчезнувшее.

– Это какой-то секрет? Кого ты хотела забыть? Кто исчез, ба?! Расскажи!

– Твое беспамятство о детстве, Кирюша, посланный небом дар. Не о чем нам говорить. Не о чем, внученька.

– Ну ба-а-а!!

– Ты же не хочешь быть такой, как мама, вот и не становись. А если узнаешь...

– Сойду с ума?!

– А? О чем ты, внучка? – захлопала она глазами, удивленно рассматривая распахнутый передо мной альбом, что лежал поверх остатков муки и кругляков пельменного теста. – Откуда это у тебя?.. Как он оказался здесь? Боже, что с памятью... что?..

– Ты достала с антресолей. Забыла?

– Старческая память, внучка, хуже младенческой, – забрала бабушка альбом, поспешно закидывая в корзинку для хранения картошки. – Ты есть-то будешь?

– Ела! Я уже ела! У нас с памятью, кажись, наследственное, да?

– Это все кролики, Кирюша, радиоактивные кролики...

С тех пор мы с бабушкой к разговору о фотках не возвращались. Я не могла добиться правды ни от кого: кого можно было так не любить, чтобы уничтожить следы любого присутствия за последние сорок лет? Что я забыла о детстве? Кого вырезали (равно удалили из друзей с допотопных социальных сетей) бабуля с мамой? При чем тут цифра «два», которую так боится мама?

Правда не волновала никого. А правда о прошлом – в квадрате (привет, мам!). У меня на носу был выпускной, и всех вокруг интересовало лишь то, куда я решила поступать.

Школу я не любила. Точнее... в ней не любили меня. Блокировали в чатах или ставили в список с ограниченным доступом (цифровая резка зигзагом). Я была для них сведена к единице своей особенной семьи.

У нас в Нижнем полгорода друг друга знают, и моя мать с горшком герани и таякой в руке на автобусной остановке, обутая в домашние тапки в середине февраля, быстро стала местной достопримечательностью и объектом сплетен. Надо мной смеялись, называя фамилией Тяпкина, а не Журавлева. Однажды учительница по химии обводила класс взглядом – кого бы вызвать: «К доске пойдет Кира Тяпкина... Ой! То есть я хотела сказать...»

Я убежала. Неделю просидела дома в надежде, что класс отвлечется на новенький хейт, но нет. Вот уже два года как раз в месяц меня кто-нибудь обзывает Тяпкиной, крикнув в спину.

У меня была только одна подружка – Светка, заменявшая сестру, одноклассницу и бесплатного психотерапевта, когда хотелось понюхать кому-то в ухо по телефону часика три. У Светки было отличное качество – она ни о чем меня не спрашивала, если я сама не расскажу. Жаль, мы не познакомились, когда мне было семь. Она рассказала бы мне о детстве, на фотографиях из которого я сплошной зигзаг.

– Кира, – каждый вечер задавала мама один и тот же вопрос, – ты уже выбрала институт?

– Да, мам, – отвечала я, не поворачивая головы. – Я хочу писать тексты для печенюшек с волшебными предсказаниями! Круто, да?

В мамином списке одобренных для меня профессий значилось целых три: экономист, экономист и юрист. Почему два раза экономист? Цифра два. Мама обвела их красной ручкой и поставила рядом четыре восклицательных знака. Могла один или три, но четыре!

Четыре восклицательных знака равнялись отказу в *апелляции* с моей несогласной стороны – единственное слово, что я знала из юриспруденции.

Экономистка и юристка. А как же дизайнер витрин, автор поздравительных открыток, флористка? Кто-то же должен писать предсказания для счастливых китайских печенюшек или вырезать скульптуры из фруктов! Я читала, что есть профессия уборщика айсбергов, испытателя курортного шезлонга, ныряльщика за мячиками для гольфа или дегу-

статора кошачьей еды.

Все веселее, чем цифры проводок бухучета или цифры кодексов. Интересно, мама знает, что я не могу умножить в уме шесть на пять, на семь и на восемь, а дни недели представлю в голове разлинованными окошками школьного дневника. Слева наверху понедельник, под ним вторник и среда, справа четверг и все остальное.

Сегодня как раз четверг.

Всей семьей мы должны ужинать минтаем. Наступила последняя неделя летних каникул. Я собиралась скоротать ее у бабушки на огороде и паковала спортивную сумку забиванием пяткой купальника, когда в коридоре раздался телефонный звонок.

– Межгород! – закричала я, собирая растрепанные волосы в высокий перекошенный пучок у самого лба. – Па! Межгород!

Мне по межгороду звонить некому. Мама никогда не подходила к телефону, особенно после случаев, когда ей несколько раз позвонил енот. Это не прозвище. Она была уверена, что говорит с живым енотом. (Сколько ж надо было радиоактивных кроликов слопать, чтобы еноты по телефону звонили?)

После того разговора мама выдернула из горшка охалку цветущей герани и уехала на целый день. С лопатой, тяпкой и лейкой. Наверное, повезла букет своему еноту. Похоже, отцу пора требовать скидку на покупку очередной рассады с

геранью на всех ближайших садоводческих рынках.

– Алло, – слышала я из приоткрытой двери обрывки разговора отца. – Сергей, здравствуй. Да нет, вроде нет. Благодарю, вашими молитвами. Ну да, да. Твои-то как? Да ты что! Дети у тебя, конечно, одаренные. Кира тоже, не спору. Помню, как я забуду. Ты-то что решил? Ясно. Поговорю.

Ток прошиб по нервным окончаниям спинного мозга. Терпеть не могу, когда по телефону произносили мое имя. Как будто русичка из пятого класса сейчас скажет, что за сочинение я получила кол/кол. Меня лишат сладкого, не разрешат пойти со Светкой на каток и, чтобы не таскать из комнаты туда-обратно десятикилограммовый телик, демонстративно вынесут удлинитель, запретив смотреть мультики.

Отец положил трубку, а я запрокинула голову к потолку, чтобы он точно услышал подтекст недовольства:

– Чего от меня надо?! Ничего делать не буду!

– Ты и так ничего не делаешь, – заглянул он в комнату, одновременно стуча по косяку.

Папа напоминал престарелого Гарри Поттера. Взъерошенный, печальный. Он словно пережил самую страшную трагедию в жизни, что испещрила его молодой лоб преждевременными рытвинами. Победил сильнейшего в мире черного мага, но никогда о нем не говорил. Не хвастался мне – примитивному маглу – своим героизмом.

Только все восемь лет, что я себя помнила, он учился на факультете Врифиндор. Делал вид, что счастлив. Иде-

ально притворялся. Мимикрировал под человека всю мою осознанную жизнь, которую я помнила с десяти. Остальное стерто – отрезано с фотографий зигзагом, прошедших сквозь материнские руки-шредеры, никогда не обнимавшие меня. Только герань.

Детство отсутствовало. Его не было. Родители не отмечали мои дни рождения, не покупали именинные тортики (один раз такое произошло, но вспоминать тот ужас не хотелось). Мне что-то вручали без повода в рандомные даты. То на месяц раньше, то на пять. Чтобы вспомнить дату своего рождения, приходилось заглядывать в паспорт. Да, я из тех, кто не установит на пароль цифры дня рождения – они были для меня чужими.

За последний год отец стабильно по два раза в неделю приходил домой после десяти вечера. По вторникам и пятницам. Он говорил, что ходит в спортзал, вот только кто занимается без сменной формы и кроссовок? Я знала, что он врет, но не лезла. Мне плевать – любовница у него там или енотиха. Герань ей с подоконников не носит – и на том спасибо. А правду он все равно не скажет. На факультете Вриффиндора он был отличником с экзаменационным баллом выше ожидаемого.

Папа стоял в дверях и рассматривал бедлам в спальне недовольным, но смирившимся взглядом. Он чаще молчал, как его аквариумные рыбки, потакал во всем матери и не орал, когда меня отчисляли... много откуда.

Рыбы молчали. Отец молчал. Зато я рьяно надрывалась за всех:

– Я официанткой работала семь недель! Забыл?

– Чтобы не ходить на гимнастику.

– Меня же в тот год исключили из секции!

– В шестой раз. Помню.

– Но ты сам голосовал за хоккей! – шарила я взглядом по бардаку комнаты в поисках коньков и клюшки.

– Потому что ты просилась в стрелковый клуб.

– Бабушка же умеет стрелять! У нее ружья! И я хочу! Я в тирах самая меткая, – кивнула я на гору дурацких плюшевых призов, собранных по всем ярмаркам Нижнего.

– У бабушки охотничий билет. И хватит с нас радиоактивных кроликов! Ты же любишь животных.

– А я не в зверей, я по мишеням хочу стрелять.

– Для этого тира достаточно. Но лучше бы ты вернулась в хоккей.

– Нет, – наконец-то утрамбовала я пяточным прессом купальник, – с этим все. И с гимнастикой тоже. Они в прошлом, – скрестила я руки, посылая полный выразительности взгляд, и добавляя: – Как половина ваших с мамой жизнью. В прошлом, папа, – попробовала я поставить точку, как он ставил точку-«дочку».

Кажется, сработало. Отец исчез из проема двери, но стоило мне ехидно улыбнуться, он вернулся с деревянной шка-тулкой, похожей на хлебницу. С той самой, от которой меня

отгоняли весь мой осознанный возраст.

Отец сел на ковер, прислонясь спиной к свешенным рукам толстовок. Рукава обняли его вместо меня. Интересно, когда я в последний раз обнимала его, а не орала в ответ на его бесцветные реплики?

– Мама с геранью сбежит, если увидит это здесь, – села я на пол в полуметре, поглядывая на шкатулку со страхом и вожделением.

Дистанции мне были жизненно необходимы. Может, и маме тоже, раз она оставляла свободное кресло между собой и мной, втыкая посередине куст.

– Здесь, – прокашлялся отец, – тут где-то были фотографии с Воронцовыми. Сейчас найду.

– С кем?

Отец достал целый черно-белый снимок и протянул мне.

– Вот. Это он. В армии. Сергей Воронцов. Там мы подружились, когда жили с семьями в Калининграде.

– А, – припоминала я, – богатый дядька, который сейчас в Москве?

– Ну да. Большой бизнес на трех континентах.

Вспомнила я и пасхальные открытки Воронцовых.

– Это его жена поздравляет нас каждый год? Присылает нарисованные вручную открытки, на которых ничего не понятно.

Отец ткнул пальцем в следующую фотографию:

– Владислава, его жена. Она художница.

– И тоже известная на трех континентах?

Отец улыбнулся:

– С их капиталами можно и на четырех прославиться.

Снимок был сделан на природе. Мои родители сидели за дощатым столом напротив Воронцовых. У мамы образцовая укладка обесцвеченных волос в стиле сороковых, сшитое ею самой платье. Папа худой и сутулый, еще с усами. Жена Воронцова даже на этой старой фотокарточке с замятыми уголками выглядела красивее многих моих нынешних сверстниц.

Глаза у нее были огромные. Лицо круглое с тонким коротким подбородком. Волосы светлые, густые и очень длинные. Белые зубы с небольшой щербинкой отражали свет вспышки.

– Клевая, – разглядывала я натуральную красоту женщины в расклешенных джинсах.

Ее муж, Сергей Воронцов, был в два раза толще моего папы. Он отращивал баки, которые делали его огромную голову похожей на волосатую сахарную вату. Противную, коричнево-черную, на тонкой палке-шее.

– Вот, – откопал папа новый снимок, – их дети. Максиму сейчас двадцать один. Алле девятнадцать. А тут ей одиннадцать, – показал он на ребенка со снимка, сделанного на детской площадке. – А это ты. Вот тут, рядом с Аллой.

– Где?

– Вот же. Вы целый день... играли в классики.

– Это я? Кошмар! Что у меня на голове?! – не верила, что на фотке рядом с Аллой я. – Что за косынка болтается? Челка в три миллиметра... И эта кофта!

– Ну, мама любила делать такие прически.

– Ага! Проблемы у нее, а страдала от ее стрижек я! – инстинктивно проверила длину своих локонов, распуская пучок.

Дети Воронцовых одеты в джинсу с головы до пяток, а я выглядела ряженой матрешкой со скособоченной челкой в пухлой пингвинячьей кофте! Не удивлюсь, что такое детство я бы хотела забыть.

– Что это у Аллы в ухе? Вон тут?

– Слуховой аппарат.

– Не помню их, – поморщилась я, – не помню себя до третьего класса, ты же знаешь, пап.

Я сохранила какие-то огрызки воспоминаний, как порезанные допотопные фотки, на которые мне запрещалось смотреть, если мама дома.

– Сергей Воронцов и его жена приглашают тебя к ним в гости, – ошаршил отец после пятиминутной подводки.

Так вот о чем он разговаривал с Воронцовым.

– Куда в гости?

– К ним домой. В Москву.

– А зачем?

– Если честно, – мялся отец, все глубже закапываясь в мои толстовки спиной, видимо остерегаясь реакции, – я попро-

сил его порекомендовать для тебя варианты школ, а он так увлекся, что подобрал гимназию, куда ходит Алла.

– Не надо меня никуда подбирать!

– Я знаю, ты прогуливаешь. Понимаю почему, – бросил он взгляд через стену к подоконникам с зеленью в мелкий красный цветочек. – В Москве тебя никто не знает. Нашу семью не знает. Ты сможешь спокойно доучиться.

– А где я буду жить?

– В коттедже Воронцовых. Для детей у них отдельный дом.

– Целый дом? Наверняка они высокомерные мажоры. Максим с Аллой.

– Сергей сказал, они будут рады тебя видеть. Алла пойдет с тобой в один класс. Все покажет и расскажет.

– Ей же девятнадцать... в какой класс? Мы будем престарелыми тринадцатиклассницами, да?

– Алла пропустила два года. Она болела. И лечилась в клинике.

– Болела? Чем?

– Алла очень умная девочка. Но иногда замыкается. Тяжело находит язык с окружающим миром.

– Класс! – щелкнула я пальцем. – От психованной матери переселюсь к психованной дочке олигарха!

– Нет, Кира, она не сумасшедшая. Ее все считают замкнутой. Девочка молчала до пяти лет. Ни слова не произнесла. А потом затараторила на шести языках и каком-то вымира-

ющем диалекте. Но, – отвернулся он к окну, – Сергей говорит, периоды работы ее мозга сменяют друг друга. В один день Алла работает с нерешенными математическими гипотезами, а на другой сидит с открытым ртом, уставившись в одну точку. И тогда он отправил дочь на лечение.

– И как? Вылечили?

– В стену больше не смотрит. Изучает растения, кажется. Воронцов что-то про редкие кактусы говорил. И я подумал, что нужно нам тоже заняться лечением мамы. Может быть, помогут и ей, если врачи смогли помочь Алле.

– А мама точно?.. – не хотела я говорить лишний раз слово «больная».

Он кивнул.

– Кир, в поездке и плюсы есть. Без давления мамы сможешь подумать про вуз. Ты уже решила, кем бы хотела стать?

За одно предложение отец умудрился наступить на все мои больные мозоли: поездка, мама, вуз.

– Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?

– Нешто?

– Типа «что ли», – дернула я головой, выходя из роли. – Монолог Катерины из Островского. Девушка вот птицей хотела стать. А мне можно?

– Кажется, финал в пьесе нерадостный, – растирал отец переносицу.

– А в жизни всегда хеппи-энды? Может, птицей хочу!

– Ты уже птичка! Ты наша Кирочка Журавлева! – появилась на пороге мама. – Наш пушистый маленький птенчик. Наш журавленок! – лепетала она, разуваясь.

– Мам, – закатила я непроизвольно глаза, – мне что, пять?

Отец судорожно пытался спрятать шкатулку под наваленным на моей кровати барахлом.

– Милый! – переключилась она на отца. – Что случилось с половиком?

– В смысле? – теперь глаза закатил папа.

Он сунул мне оставшуюся у него в руках черно-белую фотографию с отпрысками Воронцовых и поспешил в коридор.

– Кто-то по нему... ходил! – слышала я их разборку. – Ногами! И это больше не новорожденный желтый, а депрессивно-осенний перегной!

– Марина, это половик. Он у двери лежит, на полу. Для ног.

Судя по звуку, отец притащил из ванной ведро с тряпкой, чтобы реанимировать парой шлепков новорожденный желтый.

Слушая их, я украдкой рассматривала фотографию. Максим держался за перекладины лестницы на детской площадке, Алла стояла совсем близко ко мне. На шаг ближе к тому, кто делал фото, но я была вполоборота. Мы словно шли в разные стороны. На заднем фоне бегали другие дети, а под ногами у меня растянулись нарисованные мелом клетки

классиков.

– Кира! – заглянула в комнату мама, и я быстро сунула снимок за спину, но дернула толстовки, и они свалились на пол вместе со шкатулкой. – Кира... – выдохнула мама мое имя, как выдохнула бы *меня*, застав за расчлененкой детеныша единорога. – Почему? Боже! Почему постоянно лезешь к шкатулке? Молю святыми, не прикасайся к ней! Никогда не трогай! Кирочка, дочка! Зачем ты постоянно издеваешься надо мной! Ирочка, не стыдно, нет? Почему молчишь? Милый, твоя дочь меня ненавидит! Мирочка, отвечай, почему ты такая неблагодарная?!

– Я Кира, мам.

– Я так и сказала, Ира! Что, что, что... тебе от меня нужно, что?!

Мама бросила шкатулку на письменный стол и принялась поправлять растрепавшийся локон. Ей срочно нужно было завернуть его тремя оборотами, а не двумя.

– Мам, – дернула я за край ее пиджака, все еще продолжая сидеть на полу, – убери от лица скотч.

– Но ведь не держится! – перестала она слюнявить прядь, пробуя закрепить локон изолентой. – Тут все неправильно. Раз, три, четыре. Нужно три. Раз, три, четыре. Ирочка, три оборота, а не два. Нельзя два. Нельзя два. Нельзя...

– Ты помой голову. Закрути заново, – предложила я.

– Закручу... На четыре оборота... да, правильно... закручу снова...

– Ага. На четыре.

За восемнадцать лет жизни с мамой отец, а потом и я поняли – с ней лучше не спорить. Бесплезно говорить, что еноты не могут звонить по телефону. Или что все желтые половики на прилавке совершенно одинакового цвета. Если подыграть, она успокоится. Иногда ей помогал вернуться в сознание шок: громкий звук, неожиданный поступок, например, папа как-то начал петь посреди улицы.

– Вымыть, да, Ирочка. Я пойду в душ, а ты убери шкатулку, убери ее, убери.

– Кира, меня зовут Кирочка, а не Ирочка.

– Ирочка, я так и сказала, моя девочка, – она то брала с моего стола шкатулку, то ставила обратно, возвращаясь к локону. – Мирочка, дочка, я люблю тебя, ты же знаешь...

Иногда ее клинило сверх меры. Если она начинала считать что-то вслух и называть меня другими именами, я звала отца.

– Папа! Тут мама!

Он посадил бормочущую маму перед аквариумом в зале. Ведя подсчет рыбок, она успокаивалась минут за девятнадцать.

– Милый, раз, три, четыре, поставь сковородку. Пять, шесть, семь, восемь. Сегодня четверг. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. Доставай минтай.

Не знаю, какие ОКР и мании проступят у меня. Единственное, что я считала безостановочно, – это звезды на

небе. И каждый раз нужно прибавить плюс одну, чтобы желание сбылось. Пока не отыщешь плюс одну, не исполнится. Не будет пятерки по алгебре, и Лавочкин не пригласит на выпускной, а Светка не уступит мне кепку с тараканом на козырьке.

Родители ходили на кошку с собакой, воспитывающих хомяка. Всю подростковую жизнь я балансировала на канате, один конец которого привязан к виляющему собачьему хвосту, а второй к пушистому кошачьему. Кошка дрыгает им от раздражения, а пес от радости.

Мама ругает за тройки, отец хвалит, что я не ботанка. Мама возит в секцию гимнастики, отец записывает на хоккей. Из успехов в спорте – мои регулярные отчисления с формулировкой из серии «непреодолимые разногласия сторон».

И как только эти двое сошлись?

Бабушка рассказывала, что поженились мама с папой благодаря тем самым злосчастным кроликам. В один прекрасный день на улице их с дедом дома от самой лестницы вдоль холма до линии гаражей соседи заметили пушистую, невесть откуда взявшуюся живность. Десятки, а к вечеру появились и сотни. Были дикие, были домашние кроли и зайцы. Бабушка – заядлая охотница – пристрелила нескольких и пригласила будущего зятя на ужин.

Отплевываясь свинцовой дробью, отец опустился на колени перед мамой и сделал предложение. Они и так собирались, а тут торжественный ужин к месту. Мама сразу же со-

гласилась. К тому же она носила под сердцем меня.

Через два дня во всех центральных газетах вышли заметки о сбежавших в районе улицы Ковалихинская лабораторных «радиоактивных» кроликах. Этим словом их не называли, но смысл был понятен. Если лабораторные, значит, ядовитые и чем-то облученные. В статье предупреждали, что приближаться к животным или трогать их категорически запрещается. Про то, что на Ковалихе окажется охотница, журналист не подумал. Запрета об употреблении в пищу (кстати!) тоже не было.

Видимо, только облученная радиацией крольчатина могла поженить моих родаков, а мне на память подарить шестой палец на левой ноге.

Вот так радиоактивные кролики поспособствовали появлению семьи Журавлевых.

Шестой палец мне не мешал, а Светка, несмотря на него, вообще считала меня излишне милой. Но все это казалось неважным. Плевать мне было на институт, на школу, на гимнастику и хоккей. Порезанная зигзагом на куски, последние восемь лет жизни я искала ответы – что я забыла? Кого отрезали с фоток? Какой ужас свел маму с ума? Кого вычеркнула бабушка сорок лет назад, затолкав под потолок?

Пока не узнаю, не успокоюсь. И поездка в Москву может оказаться полезной. Алла, Максим и их родители были там в тот день, когда была сделана фотография. А после я ничего не помнила. Но могли помнить они. Может быть, этот сни-

мок делал кто-то из родителей Аллы и Максима?

– Минтай? – пересекся со мной папа тревожным взглядом. – Марина, давай поедим что-нибудь другое. Хочешь суши? – потянулся отец за телефоном. – Я закажу самые лучшие. С окунем, с лососем, с тунцом. Я мигом!

– Восемьдесят пять, восемьдесят шесть, восемьдесят семь. Все. Готово, – отвернулась от аквариума мама. – Только не говори, что не купил рыбу. Мы едим ее по четвергам шестьсот пятьдесят шесть четвергов подряд!

– Суши тоже рыба. Я сбегая принесу! Это будет быстрее! – торопился отец в прихожую натягивать кроссовки, аккуратно огибая реанимированный половик.

– Мне нужен минтай, Игорь! Ровно в восемь вечера на столе должна быть рыба. Ты. Не. Успеешь, – закипала она, краснея и сжимая кулаки до побелевших пальцев с проступившими венками. Как бы ногтями кожу ладошек не проткнула.

Длинная стрелка часов приближалась к пятидесяти шести минутам.

– Мам, у нас есть рыбные палочки! – вспомнила я. – Ты хотела голову мыть! А я приготовлю. Палочки за три минуты пожарятся!

– Нет, Кирюша, не нужно. Я сама. Сбегай в палатку за сметаной.

– Ладно! – Я видела, что мама пошла к морозильнику, а

отец с прозрачной кружкой чая свернул в холл, приближаясь к барной полке.

Натянув стоптанные кеды, перепрыгивая веер ступенек, я сбежала с третьего этажа. Август выдался жарким. На турниках тетя Зина выбивала мухобойкой половики. Здороваясь со всеми соседями подряд, она выискивала подельника для перекура – ритуала, сопровождающегося пересказом дворовых сплетен. История моей семьи про кроликов уже восьмой год возглавляла ее хит-парад. Ровно столько мы жили в Нижнем, когда отца снова перевели.

По квартире разносился приятный рыбный аромат. Я почувствовала его с порога, закручивая центробежной силой пакет с банкой сметаны. Настроение улучшилось – мама успела пожарить палочки до наступления восьми вечера и скандала не будет, папе не придется петь или бить вазы об стены, выводя маму из истерики (когда она повторяла, например, одно и тоже четверостишие по сто раз подряд).

– Ужинать! – позвала она.

Отец сидел в холле. Он смотрел футбол, пил сорокаградусный «чай». Чашка у него была огромная и прозрачная, когда он пил, он видел экран телевизора сквозь стекло. Так он точно не пропустил бы голевой момент. Или маму с геранью.

У себя в комнате я чуть не споткнулась о собранную сумку. Поверх торчащих вещей лежала черно-белая фотка, снятая на детской площадке.

– А это что? – подняла я снимок, заметив в клетке классиков кривой рисунок.

Сквозь школьную линейку с небольшой лупой на кончике рассмотрела круг с торчащим из него в стороны крестиком. Еще один крестик, голосующий за мой отъезд?

В Москве смогу узнать что-то новое о себе и молодости моих родителей. Об этой площадке, после игры на которой у меня болели пальцы на руке. Это ощущение я помню очень хорошо. Боль в правой руке каждого хряща, каждого сухожилия, каждой косточки от кончиков пальцев до запястья. Чтобы восстановить руку и придать ей гибкости, после года страданий от болевых ощущений я оказалась в гимнастике.

Это помогло. Пальцы с тех пор ныли редко. В основном из-за стресса.

Слева в углу валялись обручи, булавы и гимнастические ленты. Справа хоккейные коньки, вратарская маска и щитки. Я любила спорт, но по-прежнему не любила подчиняться (школьный психолог говорил, что Кира Журавлева – гиперактивная девочка. Бабушка причитала: «Это все из-за кроликов»).

В прошлый раз меня «отстранили», что в переводе с тренерского означало выгнали из команды по художественной гимнастике, когда я пришла на соревнования с растрепанным пучком, ненакрашенная и в мягких шортах. У меня начались критические дни, жутко болел живот. Я вышла на маты в шортах, даже не замазав три прыща на щеках и носу и

оставив волосы спутанными в пучке. Хотелось не швырять ленты, а швырять во всех тапками и, свернувшись калачиком, смотреть мультики и пить какао, сваренное из шести с половиной ложек порошка.

Архаичный вид спорта, в котором даже цвет заколок посылает в мир зашифрованные послания, послал меня куда подальше. Я ответила взаимностью. И послала секцию, решив больше времени посвящать хоккею.

В хоккее дела шли получше и выгоняли из команды пореже. Ну вот что это за формулировка – «чересчур»? «Вашей дочери чересчур много», – говорил отцу тренер. Она чересчур быстро гоняет. Чересчур сильно прессует. Чересчур агрессивна. Чересчур пассивна. Чересчур как девочка. Чересчур как не девочка.

Я играла в смешанной команде любителей, где тренируются и парни, и девушки от пятнадцати до восемнадцати.

Тренер постоянно цеплялся. Он был самый настоящий сексист, бросал фразочки типа «запишись на кройку и шитье с таким вышиванием лезвием!», «не делайте ей скидок, парни, прессуйте, как будто у нее защитная ракушка!», «ты баба или боец?! Реши!».

Он хотел, чтобы я решила?

На следующей тренировке я выехала на лед в красном бикини с распущенными волосами, залитая автозагаром и блестящим лаком, которым прыскают волосы гимнастки. Оставила из экипировки только маску и ракушку для паха.

Под тренерский свисток, под крики парней из команды я обошла с клюшкой несколько препятствий, забила шайбу и напоследок изобразила изящное фигурное вращение. Тот выход до сих пор вгонял меня в краску, стоит вспомнить. Словно этот поступок совершила не я, а мое внутреннее альтер эго. Мне было и приятно, и страшно одновременно от своей смелости, наглости и решительности. Совсем на меня не похоже.

Все старшие классы я отсиживалась на последних партах тенью. Не встречалась с парнями, не ходила с компаниями в киношки и на вечеринки. Все, что у меня осталось... желание раскопать информацию о прошлом. Именно поэтому я не послала Воронцовых с их приглашением, не послала идею переселиться в чужую семью и закончить выпускной класс в незнакомой новой школе, вместо этого я послала себя за железнодорожными билетами на вокзал.

Зарывшись в подушки вечером, отправила сообщение Светке:

«Кажется, уезжаю в МАААску».

«Надолго?»

«Как фишка ляжет...»

С кухни раздался ор. И на этот раз надрывался отец. Такого истошного вопля я за всю жизнь от него не слышала. Даже не знала, что в его горло встроены столь мощные усилители голосовых связок.

В центре кухни, обернутая в белый фартук с рюшами, в первой балетной позиции стояла мама. Желтое платье до колен с рукавами-воланчиками. Мягкой варежкой она протягивала отцу сковородку, на дне которой аккуратно лежали его пожаренные экзотические аквариумные рыбки.

– По четвергам, дорогой, рыбный день! Приятного аппетита!

Фишка легла всеми восьмьюдесятью восемью боками за мой отъезд.

Глава 2

Вороной блондин в ананасовом флере

Спустя два дня отец решил на разговор. Хорошо, что он первый. День отъезда сегодня. Все это время наша семья молчала упорнее рыбок. Теперь уже мертвых.

Я сидела за письменным столом, поджав колени под подбородок. Монитор старого ноутбука перешел в режим ожидания, и я увидела отражение отца. Он был небрит. Под веками расцвели синяки мало спящего, мало дышащего и мало счастливого человека.

Пока девчонки из школы рисовали тенями томную синеву утомленной кожи, мой папа с ней жил.

– Уехала! – крикнула из прихожей мама, хлопнув дверью раз в пять сильнее необходимого.

Это было единственное слово, которое она произнесла в наш адрес после экзотического ужина. А уехала сразу, как закрепила кишечник, съев восемьдесят горелых аквариумных трупиков.

Как только люстра над нашими с отцом головами перестала позвякивать флаконами, а соседи отодвинули скалки от батарей, закончив выразить полуминутным стуком недовольство хлопающей дверью, я спросила:

– Она с геранью?

Отец кивнул.

– Понятно, – откинула я голову к спине, – понятно, почему в школе меня Тяпкиной дразнят и над всеми нами ржут. Едем, – дернула я за вилку в розетке, обесточивая компьютер. – Пока ее нет, едем. Пора.

– Куда?

– На вокзал. Позавчера купила билет на поезд. Хуже ведь точно не будет.

В Москве гениальная Алла, болтающая на мертвом диалекте, может, подкинет пару идей о шкатулке с фотками. В какую сторону мне копать, ну или рыхлить, раз уж я «Тяпкина».

В МАСКву (пробовала я говорить как местная, больше акая) решила ехать на поезде. От аэропорта в жизни не найду дорогу. Какие-то скоростные электрички и такси, на которых ехать к Воронцовым три часа – за это время в Нижнем я объеду вокруг города трижды самыми дальними тропами. Москва. Что это за город, где навигатор показывает: «Двигайтесь прямо пятьдесят один километр, после держитесь правее».

Ни-Но¹ вдоль Оки тянется на двадцать, а вдоль Волги на тридцать километров, а в Москве это средненькая прямая до поворота.

Какие они вообще, московские старшекласники из Лапи-

¹ Здесь и далее – Нижний Новгород.

но Града? Я представляла Аллу избалованной фифой с тремя смартфонами под цвет шмотья, пекинесом на переднем сиденье оранжевого «Феррари» и бойфрендом – клонированным Тимоти Шаламе. Представить Макса Воронцова было сложнее. Второкурсники элитных вузов казались недостижимой элитой.

В юности пара лет разницы – пропасть. В зрелости всего лишь щель.

Отец отвез меня на вокзал. Я ждала, что он что-нибудь скажет, он ждал того же от меня. По ходу, мы больше молчаливые Рыбкины, а не Журавлевы.

– Пока, пап.

– Кира, – отстегнул он ремень, и я подумала, он проводит меня до вагона, но отец не вышел из машины, лишь повернулся и сказал: – Все, что я делаю... мы с мамой, все это ради тебя.

– В том числе и скрываете правду о прошлом?

Сглотнув, он кивнул.

– Вообразить порой лучше, чем знать, – опустил он глаза на сжатый в моем кулаке билет. – Надеюсь, я не ошибся.

Решив, что он вот-вот вырвет билет, разорвет его на кусочки и отменит поездку, позвонив Воронцову, я поспешила выбраться из машины.

– Я напишу, когда доеду. Отведи маму к врачу.

На всякий случай я обернулась пару раз, но он не пошел за мной. И как обычно, ничего не сказал. Не ошибся он! Это

мы еще посмотрим!

Сидя в поезде, я достала из рюкзака фотографию. Вооружившись лупой на линейке, в десятый раз уставилась на снимок с детской площадки.

Алла круглолицая и улыбчивая. Длинные светлые волосы, вздернутая верхняя губа, как у гэдээровского пупса. Макс напоминал юного Ди Каприо с длинной челкой на половину лица. А глаза у него чуть восточные, красивей, чем у сестры.

Ну и я – с криво обрезанным каре выше ушей. Алла смотрела прямо на клетку классиков, где белым мелом был нарисован кружок с торчащим плюсом посередине. Я перерисовала символ на обратную сторону фотографии и жирно обвела контуры несколько раз.

За стеклом бежали электропровода, напоминая бесконечные струны гитары. В моих наушниках играла песня Михаила Бублика «Научи меня». Я не сразу заметила, что провод вставлен не туго и музыку слышу не только я одна, но и все, кто сидит в полупустом вагоне.

Подняв пальцы и не прикасаясь к стеклу, я начала делать вид, что перебираю струны гитары, извлекая звук, нашептывая слова:

Расскажи мне о звездах, что

Их не счесть.

Я хочу знать конкретно,

Что там над облаками.

Я хочу просто видеть мир как он есть,
Без надежды и фальши своими словами.
Научи меня видеть свет в облаках,
Обнаженный, кристальный и невероятный...

Позволив мне доиграть на проводах, поезд выплюнул меня на городской перрон Курского вокзала.

Конец лета. Жара. Гвалт. Месиво тел, акцентов, ароматы чебуреков, детские визги и слепящее солнце – все они запутались в моих распущенных прядях, проскользили по влажному лбу капельками пота. Это был настоящий ад с прилипшей к спине майкой и всеми одиннадцатью отдавленными пальцами ног.

Стараясь не пялиться по сторонам, не притормаживать у витрин, я плыла между разгоряченных тел к сливу перехода в метро, держась за буюк-чемодан. Все, что успевала, – дышать. И пахла Москва креозотом – токсичным веществом, которым обрабатывают рельсы, но который стойко ассоциируется с романтикой встреч и грустью проводов.

Перрон вокзала, перрон метро... я втиснулась в электричку, проклиная рвение сэкономить полторы тысячи на такси. В Ни-Но мы на такси не ездим. Я ббольшую часть времени хожу по городу пешком. Все близко. Все рядом. Мне до центра двадцать минут идти от Ковалихенской, а на самокате ехать семь.

Через два часа я опрокинула чемодан набок и села сверху, как ребенок на лошадку. Совсем вечер. Почти десять. Два

часа! Я ехала на метро и электричке два часа. Кошмар! Это не город, а какая-то бесконечная окружность круглых кольцевых, о которые я стесала колесики багажа.

Я смотрела в небо, обмахиваясь рекламой местной пирожковой.

В августе небо густеет цветом просроченных чернил. Небольшой дождь или быстрая гроза могут разбавить кляксу, сделав края мягче. И тогда появятся дымчатые островки пятен, сквозь которые подмигивают звездные глаза. Досчитав до шестого, я достала из рюкзака телефон. От незнакомого номера три сообщения. И одно от папы.

«Ты потерялась?» – писал отец.

Может, я не потерялась, но я и не нашлась.

Взрослые.

Как они могут спрашивать: ты потерялась? ты кто? ты где? ты с кем? ты как?

Всегда где-то, между, около, над или под, возле или рядом. Все для меня важное – глупое для них. Все для меня ценное – пустяки. Все, что я люблю, – смешно. Мои планы – подростковая паранойя.

Я находилась в протрации жизни, а может, и в *прасрации*, если говорить о моей.

Написала:

«Все ок. Еду».

Далее три сообщения от незнакомого номера:

«Сергей Воронцов отправил за Вами машину. Черная

«Ауди», номер 343». «Прошу, сообщите, где Вы, или перезвоните на этот номер». «Family assistant Яна П.».

– Не беспокойся, ассистант Яна Пэ. Сама дойду. Без ваших аудистов.

Не хватало еще принять помощь в первый же день. Мажористые Алла с Максом окончательно решат, что я слабачка – не могу дорогу найти без их покровительства.

– Простите, когда автобус? – спросила я прохожего, прождав двадцать минут.

– Так завтра. В девять последний ушел.

Карта рисовала тридцатиминутную прогулку до Града.

Подсознательно всеми силами я, по ходу, оттягивала момент встречи с Воронцовыми. Снова начала фантазировать, какие они – избалованные мажоры. Для них я провинциалка из Ни-Но. Алла и разговаривать со мной не станет, а Максим одарит презренным взглядом, как смотрят небожители университетов на школоту.

Когда в десятый раз за день меня посетила мысль, что я их боюсь, пришлось остановиться и хлестнуть себя ладонью по щеке.

– Заткнись, истеричка!

В этот момент меня ослепили фары медленно приближающейся машины с включенной аварийкой. В подсветке номера горели цифры 343. Машина встала. Хлопнула водительская дверца.

– Кира? Вы Кира? Я поехал вас искать! Автобусы ведь не ходят в такое время. Не знал только, от какой платформы решите добираться.

Из ореола света нарисовался водитель. Он был в белой рубашке, при красном галстуке с золотистой булавкой, украшенной стразом (не бриллиантом же на зарплату водителя), и в пиджаке. На шее висел мобильник яркого цвета на толстом шнурке. На таких обычно пропуска менеджеры в офисах таскают с кучей магнитных ключей и карточек.

– Позвольте? – вытянул он руку к моему пыльному чемодану на стертых отбитых колесиках.

– Далеко до Лапино?

– Пешком тридцать минут. На машине три. Пить хотите?

Он смотрел на меня обеспокоенно. Еще бы! Волосы скапались жгутами. Влажные лоб и майка. Кеды стянуты с пяток, чтобы не стереть ноги в кровь.

Я умирала от жажды.

– Водичка есть у вас?

– Выбирайте! – воскликнул он. – Три вида газировки, минералка разных брендов, есть сок, есть рассол и физраствор.

– Физраствор? Его-то кому?

– На всякий случай, – открыл водитель багажник, – для прочистки желудка, например, или при отравлении.

– А у вас тут на Рублевке часто травятся?

Водитель провел рукой по уложенным волосам, улыбаясь, но поскорее отвернулся и добавил:

– Инструкция. Что приказали, то и вожу. Меня зовут Евгений, кстати. Я оставлю свой номер. Второй водитель Олег. Мы работаем сутками. Звоните мне или ему в любое время. Что для вас? – обернулся он, галантно согнув руку в локте за спиной. – Какой воды? С газом, столовой, минеральной, «Нарзан», «Байкал»?

– Ну... такой обычной, типа простой, которую пьют.

– Лимон, лайм, изотоник?

– ИЗО чо? Нет же, питьевой. А зачем мне звонить вам?

Когда на вокзал поеду?

– Куда угодно. В школу, в город. Расписание уроков подготавливает Яна. График школьных выездов будет у нее и у меня.

– Ассистент семьи, да. Я не видела СМС, прочитала минут пять назад.

– Ничего страшного.

Сундуком с сокровищами багажник «Ауди» подсветил лицо водителя Жени. Женя оказался чуть смуглым и стройным. Такие лица мужчин я называла «sex and the city». Моложавое, ухоженное, подстриженное: и на голове, и под головой на подбородке – в каком-нибудь элитном «бобер»-шопе.

В Ни-Но мажоры, как он, посещают лучшие ночные клубы города, а на Рублевке – встречают провинциалок с вокзала.

Я оперлась о багажник, уставившись на фужер, поданный Женей на серебряном подносе. И фужер, и поднос выглядели словно он украл их из музея. Стекло бокала топорщилось в меня распущенными розами и длинными острыми шипа-

ми. Краска внутри стекла бликовала алыми разводами, и стояло сие произведение на серебряном подносе, украшенном сложными завитками выющейся виноградной лозы.

Лоза спускалась вниз, превращаясь в удобную ручку, но мне почему-то эта штука напоминала кандалы. Пусть и очень симпатичные.

– Прошу, – протянул поднос Женя, подбадривая меня, – вас что-то смущает?

– Ну... как бы не разбить... Очень дорогой стаканчик? Может, из горла бутылки хлебну?

– Не положено. Инструкция.

– А на что еще есть инструкция? Как ходить в туалет? – приподняла я обеими руками бокал весом с пакет молока.

– Инструкция эстетики, – пояснил водитель. – Алла Воронцова равнодушна к красоте и стилю, который разработала она сама. Поместье – отражение ее видения прекрасного.

– Ну, – искала я безопасное место вокруг ободка фужера, откуда в меня тыкало бы поменьше шипов, – надеюсь, меня не заставят нацепить школьную форму их элитной гимназии с какими-то рюшами и бантиками!

Женя быстро посмотрел на часы, видимо чтобы не расстроить меня очередной инструкцией прекрасного.

– Пора ехать. Вы готовы?

Обливаясь водой, кое-как я выпила половину и вернула кубок обратно Жене.

– Они что, прям настоящие олигархи?

– В некотором роде, – уклончиво ответил Женя. – Так вы позволите? – предпринял он новую попытку убрать мой багаж.

– Жень, давай без выканья, «позволений», подносов и фужеров. Я работала на заправке и в общепите. Я не Воронцова. Есть автобусы, метро. Сегодня... с чемоданом, поэтому торможу, а на самокате будет быстро.

– Кира, до школы десять километров, а до центра города почти сорок. И потом, это моя работа – сопровождать вас.

Я грозно зыркнула.

– Тебя, – исправился он. – Я могу обращаться на «ты», но не могу не возить на машине. Договорились?

– Ладно, понятно. Скажи, у Аллы с Максимом тоже водители?

– Максим Сергеевич водит сам. Аллу Сергеевну сопровождает кавалер. Он водит.

– «Сопровождает кавалер». Бойфренд, да?

Женя то ли кивнул, то ли его передернуло.

– Последний вопрос, Жень, они в адеквате? Семейство, а то я очкую...

– В полном. Если не происходит, – подбирал он слово, помогая себе руками, – инцидентов.

Что еще за «инциденты» происходят за закрытыми дверями воронцовского града, Женя рассказать не успел. Мы до-

мчали до Лапино за три минуты. У меня приятно заложило уши. В машине пахло свежестью, а не по́том тридцати пассажиров маршрутки. Прохладная кожа обивки остудила мое раскаленное поездами тело. Я была готова уснуть в плавности скольжения салона-колыбели.

– Эти машины опасны, – улыбнулась я, прикрывая глаза, – так уютно, что тянет спать.

Мы проехали под высоченной каменной аркой с башенками. Круговое движение вокруг фонтана развело дорогу на десять лучей. Слева и справа мелькали подсвеченные громадины... не знаю чего. Домов, коттеджей, дач. В таком гигантском помещении мог разместиться целый детский сад, областная администрация или музыкальная школа.

– И в каждом по одной семье? – лупилась я через стекло. – А зачем прожектора на стены?

– Подсветка для эстетики. Лампы заряжаются солнечной энергией. Так улицы выглядят опрятней.

По сравнению с этими улицами я выглядела тем еще венником. Мной будто подмели все местные бордюры.

– На территории резиденции Воронцовых несколько домов, – продолжил Женя. – Хозяйский, гостевой, для персонала, спортивно-оздоровительный, оранжерея и тот, где живут Воронцовы-младшие. Его называют Каземат.

– Ты типа пошутил? Почему каземат?

– Название дому придумала Алла. Каземат – это что-то укрепленное, а в дом, где живут Алла, Максим и их друзья,

персоналу входить запрещается. Доступ есть только у меня и ассистентки Яны.

– А что там особенного? Чего ей укреплять? Бренддовые сумочки, пуделей и туфли? – протянула я задумчиво. – У богатых свои фантазии. У меня комната в десять метров, у кого-то свой дом в десять окон на каждом этаже. Нехилый казематик.

– Слева от вас зеленая изгородь поместья, – кивнул Женя, вещая экскурсоводом.

Я лениво перевела взгляд по направлению его кивка, но почти тут же распахнула глаза до лба и подбородка, врезаясь носом в стекло.

– Жень! Можно помедленней? – попросила я его сбавить скорость, чтобы успеть рассмотреть стену.

Зеленые туи, высотой двадцать метров, походили на полотно, по которому скальпелями-секаторами вырезали райских птиц. Они выглядели столь достоверно, что еще немного – и вырвутся из своих терновников, взлетая в небо. В тех местах, где у птиц располагались хвосты и крылья, из туй выглядывали неизвестные мне растения с пушистыми шапками. Развеваясь по ветру, они создавали эффект движения.

– Никогда не видела таких высоких зеленых стен...

– Их выращивает Алла. Она специалист в ботанике, удобрениях и вообще... умная девушка.

– Опять Алла, – выдохнула я, – а как же ее брат? Ему не дали в кулички на стенке поиграть?

– Максим Сергеевич увлекается автомобильным гоночным спортом. Они дружны с сестрой, но их интересы не перекликаются.

Машина свернула в распахнутые ворота, едва цепляя колесами мраморную крошку – будто легкое дыхание ветра пронеслось. Женя собирался выйти и открыть мне дверь, но я хвастливо его опередила, выпрыгивая ногами на газон. Перестаравшись, споткнулась о бордюр и упала руками в траву. Прикосновение к газону оказалось столь нежным, что я не поверила – разве растения могут быть такими... пудровыми и ласковыми?

Скинув обувь, провела босой ногой по полотну свежей зелени.

Если бы я не была в гостях в элитном поселке, из кустов которого в любой момент могут нарисоваться мажоры-младшие, я бы завернулась в газон лицом, как в освежающую маску.

– Их бритвой стригут? Такие ровные... мягкие... – водила я ступней туда-обратно.

– Особый сорт. Косить и стричь не нужно. Растет на три миллиметра в высоту и очень густой. Устойчивый к вытаптыванию и морозам.

– Шелк...

– Сорт вывела Алла Сергеевна. Она разбирается в растениях.

– Кто бы сомневался...

Справа на площадке под навесом виднелись капоты десятка машин. Ближе всех стоял огромный красный джип с прожекторами на всех выступающих деталях, тонированным стеклом и светящимся днищем, а чуть дальше – приземистый блеклый серый седан с несколькими царапинами на водительской двери.

За моей спиной раскинулся широченный сад, на противоположной стороне которого возвышался хозяйский дом. В сгустившихся сумерках я видела пока лишь тень особняка, боясь представить, что со мной станет от его вида при свете дня, если я уже от одного зеленого забора чуть не позеленела от восхищения.

Если дома у Аллы теперь вот так и все это отражает ее внутренний мир, какой же она была, когда в ее голове были не все дома?

Дом, что виднелся рядом и пониже, скорее всего, предназначался для персонала. Оранжерею со стеклянной крышей и стенами оказалось опознать проще всего. Она была (что неудивительно) зеленая, похожая на многоэтажный парник с торчащим в центре конусом в форме початка кукурузы высотой с двенадцатиэтажный дом.

Я непременно решила рассмотреть сооружения завтра при свете дня.

– Ну и парничок... – устала я на сооружение размером в пятьдесят школьных спортзалов. – Это там она газоны

выращивает?

– И не только. Там ее лаборатория, – ответил Женя, выгружая из багажника чемодан.

– Ботанка в прямом смысле слова. В замке из стекла и травы.

От созерцания оранжереи меня отвлек голос. Голос парня. Интересно, давно он стоял у нас с Женей за спиной и наблюдал за тем, как я ласкаю ступнями их шелковистый газон?

– Наконец-то вы прибыли. Женя, отнеси багаж гостыи в первую спальню, – произнес он.

Парень стоял на высоком крыльце трехэтажного Каземата. В спину ему бил свет из распахнутой двери. Он был расслаблен и облокачивался руками о парапет, выложенный диким камнем. На глаза у него почему-то были опущены темные солнцезащитные очки, несмотря на сумерки.

Капот «Ауди» тихо шелкнул, как шелкнуло что-то в моей грудной клетке. Надеюсь, это был хруст остеохондроза, когда я запрокинула голову, пытаюсь рассмотреть владельца голоса.

Воронцов отвернулся, поднимая голову к небу, словно позволял мне беспардонно себя рассмотреть целых две с половиной минуты. Я всегда думала, что не влюбчива, в отличие от Светки, которой нравился каждый минус первый. Со мной в хоккейной команде играли двадцать парней, но ни с одним я не пошла на свиданку, хотя Галкин с Уткиным про-

бовали подкатить.

Еще смеялась: что за птичья свадьба?! Журавлева встречается с Галкиным или Уткиным.

Но этот голос. Он проник в меня вместе с туманом анасового вейпа, который курил Воронцов. Через минуту он сорвал с глаз темные очки, повесил их дужкой на горловину расстегнутой на пару пуговиц белой рубашки. Его волосы рассыпались по лбу, и я так и не поняла – блондин он или брюнет? Темные пряди перемешивались с обесцвеченными, а потому про себя я назвала его вороным блондином.

На ладонях у него были красные кожаные водительские перчатки с обрезанными пальцами, а на локте висела небрежно перекинута кожаная куртка. Весь его внешний вид излучал уверенную самовлюбленность и добродушный настрой.

Легко быть дружелюбным, когда ты богат. О чем беспокоиться, если все дано по праву рождения? О перчатках, которые подходят под цвет каждой твоей гоночной тачки, как заметила я ранее – все они были оттенком от алого до оранжевого, короче, были красными.

Решив, что ночного любования его персоной достаточно, он спустился по лестнице и протянул мне руку:

– Максим Воронцов, рад, что теперь ты с нами. Как добралась?

Он был из тех парней, проходя мимо которых хочется обернуться посмотреть – не обернулся ли он?

– Кира Журавлева. Спасибо, что пригласили, – быстро дотронулась я до его пальцев, не зная, как именно их сжимать. Сильно, слабо или нужно только подержаться? Но за что? За перчатку или за кончики его неприкрытых фаланг?

Я понимала, что нервничаю рядом с ним, становясь краснее «Феррари».

– В нашем доме всегда рады гостям. И особенно гостям, – подмигнул он. – Женя, в первую спальню, – строго напомнил Воронцов застрявшему в дверях водителю, – отнеси вещи Киры в первую спальню.

– Как скажете, Максим Сергеевич, – вздохнул он.

Богатый, уверенный в себе красавчик. Кажется, моя самооценка рядом с Воронцовым вот-вот рухнет ниже их трехмиллиметрового газона. Он совсем не был похож на своего огромного отца – круглого, как кольцевые Москвы.

Карие глаза Максима с небольшой восточной ноткой рассматривали меня столь же внимательно, как недавно смотрела на него я. Узкий подбородок и заметные скулы, широкий рот и чувственные губы.

Но не внешность подкупала в Воронцове. Он стоял передо мной на газоне (о который я только щекой потереться не успела), как непоколебимый властитель мира стоял бы на шаре размером с глобус – царь Земли, жонглирующий планетами. Он смотрел на меня, но не пялился; улыбался, но не лыбился; проявлял интерес, но без капли похотливости.

Я не могла придумать слово, чтобы правильно описать его

взгляд.

Делая вид, что по три раза на день оказываюсь возле студентов в их резиденциях на Рублевке, я разговаривала с ним тоном из серии «отвали». Так я общаюсь со всеми, кому глубоко симпатизирую, но не собираюсь признаваться в этом.

– Ваше полное имя Кириллия? – спросил Максим, когда наше рукопожатие затянулось.

– Ага, если ваше Максимилиан.

Он улыбнулся, опустив голову. От легкого движения его челка упала на лицо, пока резким кивком он не стряхнул ее обратно. Макс смотрел мне в глаза так, как я никогда не умела. Не умела держать зрительный контакт, не моргая, не раздражаясь, не паникуя, не начиная дрожать и заикаться.

Я даже в лица прохожих никогда не смотрю и не понимаю, почему кто-то посторонний на меня таращится. Нельзя просто прямо идти по своей половине пешеходки и не тырить мою кармическую энергию?

– Завтра воскресенье, – зачем-то напомнил Воронцов, – дом встанет рано. Тебе на второй этаж. Первая дверь слева, – поднялся он по лестнице, – не проспи, Кириллия.

– Чего не проспи?

Макс не ответил. На крыльцо вышел Женя, протянул мне визитку с номерами телефонов водителей:

– Завтра воскресенье. Спокойной ночи, Кира.

– Ну да, ладно, пока.

Я пожала плечами. Воскресенье – и что? Раньше трина-

дцати утра по воскресеньям я не просыпаюсь, куда бы этот дом ни собирался, я точно пас.

Оставшись одна, я бросила взгляд на оранжерею Аллы, на потухшие окна всех домов, считать которые было бесполезно, и поплелась в свою гостевую комнату.

В глубине холла играла негромкая музыка. Слышались удары бильярдных шаров и смех парней. По ногам веяло сквозняком. Я удивилась, заметив, что пол выложен необработанным булыжником, как на древних мостовых.

– Каземат, – пробубнила я, радуясь, что Женя отнес мой чемодан в спальню и не оставил здесь половину из оставшихся у него двух колесиков.

На площадке второго этажа быстро нашлась дверь моей спальни – первая слева. В уголках двери оказались наклейки с журавлями. Видимо, пометили, чтобы я точно попала туда, куда нужно.

– Какая предусмотрительность, – коснулась я изображения серых птиц с высокими ногами.

Моя дверь была первой, но, кроме нее, на этаже виднелись и другие. К счастью, под ногами больше не было булыжников, но дом все равно выглядел странно. С потолка спускалась люстра, в которой горели настоящие свечи. Сначала я решила, что они имитируют свет огня, но внизу под люстрой обнаружили капли воска.

Свечей было штук двести, они же подрагивали за стек-

лышками канделябров на стенах.

– Что-то я пропустила приглашение с совой... – торопливо толкнула я дверь своей комнаты, представляя, что меня там ждет: кровать с привинченными ножками? Балдахин из бархата? Дыба, виселица, гильотина?

Посреди комнаты одиноко торчал мой чемодан. Я щелкнула выключателем. Комната оказалась огромной и, к моему облегчению, современной, светлой и с электричеством.

Двухспальная кровать с синим покрывалом. Возле окна рабочий стол с двумя ноутбуками. Плоский экран телевизора и валяющиеся на полу джойстики. Вдоль другой стены сундуки, стопки книг на ковролине, диван и напольные кресла-мешки, пара картин с изображениями холодного пляжа с торчащей песколюбивой травой.

Картины мне сразу понравились. Я любила такие виды – тронутая желтизной трава, песчаные дюны, серый невысокий забор, широкое холодное побережье. Такой я (не) помнила Куршскую косу, куда, по рассказам бабушки, мы часто приезжали погулять, пока отец служил в Солнечногорске. И выглядела она точно так – с песком, травой и серым холодом Балтики.

На полу в два ряда стояли каменные кадки. Розовые и красные соцветия опускались с ухоженных стеблей до самого ковролина. Их было около полусотни. Ни в одной комнате раньше я не видела одновременно столько растений.

На подоконнике с открытым окном осталась доска с рас-

ставленными белыми и черными шашками, рядом чехол для скрипки и провода с наушниками.

– Электрическая скрипка, – догадалась я.

За ближайшей дверью обнаружилась ванная. Внутри душевой кабины мигали ультрафиолетовые подсветки. На потолке флюоресцентный рисунок неоновой кролика из «Алисы в Зазеркалье». На раковине принадлежности для душа одной марки. Несколько гелей, шампуней, зубная паста и скраб.

– Наконец-то!

Я отправила папе СМС:

«Нашла Воронцовых. Уже в доме, все ок».

Стянув через голову футболку, наступая на отвороты джинсов, я торопилась нырнуть под воду. Топ и трусы полетели на верх душевой перегородки. Когда подняла ручку смесителя, автоматически включилась музыка, а встроенные в стекло лампы засветились в немыслимых оживших линиях. Выглядело все это буйство шизоаффективно и безумно прекрасно.

Пританцовывая и подвывая отголоскам песни, я намылила волосы и с наслаждением смыла прохладной водой аромат креозота. Один из кондиционеров благоухал ананасом. Точно так же пахло облако дыма вокруг Максима. Может, все это было туманом? Моим воображением? И Воронцов, и оранжерея, и замок из травы и стекла, и райские птицы на заборе?

Я стояла у зеркала и промакивала полотенцем волосы, когда услышала, как кто-то вошел в комнату. Может, домработница? Принесла свежих полотенец? В этой ванне случилось всего одно.

Шаги приблизились к двери. Ручка дернулась и начала опускаться. Облокотившись спиной о раковину, я сдвинула какие-то пузырьки, и они рухнули под ноги.

– Занято! – предупредила я на всякий случай.

Ручка метнулась вверх, а шаги проследовали по комнате дальше.

– Кого принесло на ночь глядя?.. Не видно, что ли, наклейки?! Журавли для Журавлевой!

Обернувшись полотенцем потуже, я выдохнула и бодрым шагом вышла из ванной.

– Я здесь, – произнесла, видя усевшуюся за мониторы компов фигуру. – А ты кто такой?

– Круто, – обернулся парень.

Пару секунд он смотрел на меня, пока наконец не поджал губы в смущенной улыбке:

– А я здесь.

– Что ты тут делаешь в двенадцать ночи? – юркнула я под покрывало в постель, укрывая девяносто процентов обнаженки.

– А ты что делаешь? – крутанулся он на рабочем кресле. – В моей постели. Не то чтобы я сильно возражал, но...

Незнакомца поглощала темень комнаты. Когда он вошел,

то погасил свет. Только пара мониторов была ему в спину белым светом, застряв крошечными огоньками в сердцевине квадратных очков.

– Ты не видел? – указала я на дверь. – Там журавли наклеены! Прямо посередине двери!

– Видел, но при чем здесь ты?

– При том, что я Журавлева Кира из Ни-Но!

– Жаль, что не Нина из Ни-Но. Звучало б круче.

– Не переводи тему. Воронцовы отметили дверь специально для меня. И чемодан тут стоял. Пожалуйста, уходи, я устала.

– А вещи забрать можно?

– Забирай. Только свои, а не мои.

– Тогда давай, – вытянул он руку, подойдя вплотную к моей кровати.

– Чего тебе отдавать? Ничего твоего здесь нет.

– Я заберу скрипку, шашки, два ноутбука, ворох одежды из шкафа, приставку, сундук и пару фоток с Куршской косы. А еще полотенце, в которое ты обернулась. Отдай его, пожалуйста.

– Полотенце... и скрипку... – поежилась я под покрывалом. – Это что... твоя комната? А журавли зачем? Ты что, Журавлев?

– Нет, – со смешком ответил он, – моя фамилия Серый. А наклейки я привез из Фрингиллы. Работал там орнитологом.

– Чего? – не услышала я и половины. – Какой еще Фрик...

Это Воронцов! – начало до меня доходить. – Это он так пошутил, да?! Сказал, первая дверь слева. Придуток...

– Слушай, Кира из Ни-Но, – все еще стоял надо мной парень с протянутой рукой, – зачем ты сюда приехала?

– Тебе какое дело? – придумывала я, что делать дальше – отступить или сражаться за комнату. Пусть и чужую.

Не ночевать же с этим поддельным журавлем.

– Никакого, – опустил он руку, равнодушно пожав плечами. – Зря ты...

– Приперлась в твою комнату! Не переживай. Я уйду.

– Зря приперлась в этот дом, – обернулся он к двери и встал так, словно отгораживал меня от выхода.

– Ну, своего собственного на Рублевке у меня пока нет. Придется тут пожить.

– Тише, – ринулся ко мне парень, имя которого я до сих пор не знала. Только фамилию – Серый. Он не прикоснулся, но был близок к тому, чтобы закрыть мне рукой рот, – не кричи. Здесь кто угодно может услышать тебя. В доме везде камеры.

– Камеры?

– Воронцов-старший следит за всем, что происходит в Каземате, – изобразил он кавычки. – Камеры он ставил изначально, чтобы приглядывать за Аллой, когда она болела. Но теперь он следит за всеми. За Максом, мной, теперь будет и за тобой.

– У тебя паранойя.

– У тебя через пару дней тоже начнется, – обернулся он к распахнутому окну, – летела бы ты к себе домой, Журавлева. Это место не для тебя.

– Мне, вообще-то, год учиться. И домой нельзя сейчас. Там... сложно. И не приставай со своими советами. Без тебя разберусь.

Он встал с кровати. Запрыгнул на подоконник, отгораживаясь от меня занавеской.

– Не верь здесь ничему, Кира из Ни-Но.

– Чему ничему?

– Всему и всем. И мне тоже не верь.

– Ты газон покурил вместо ананасового вейпа? Что за чушь несешь? Скажи лучше, где дверь ко мне в комнату.

– К тебе на первом этаже. С надписью «Выход».

– Ты кто вообще такой? Однотруппник Макса?

– Да.

Я не ожидала, что угадаю так быстро.

– А зовут тебя как?

– Костя.

– Знаешь, Костя! – подскочила я с кровати, обматываясь простыней, бросила в него сырым полотенцем, которое он так хотел вернуть. – Сама разберусь, уезжать или нет. И за какой дверью я буду жить! Если у тебя припадки истерии, могу посоветовать психотерапевта, – говорила я о всех тех, к кому обращались родители.

Возле двери он меня окрикнул:

– Камеры, Кира. Не сильно-то голой щеголяй.

Подобрав с пола его кроссовку, я бросила ее в тугие волны шифоновой занавески. Надо было и дверью хлопнуть, но не хотелось никого будить. Кроме разве что Макса. Пошутить он решил! Разыграть! Еще и Костя Серый с паническими атаками по соседству.

В мире есть вообще здоровые люди или мы все с приветом?!

Было бы странно шарахаться по дому, заглядывая в каждую комнату, мало ли какой там Красный, Зеленый или Желтый гость притаился. Прокравшись обратно к лестнице, я поднялась на этаж выше. Всего-то и нужно одну ночь перекантоваться, а утром Воронцовы-старшие подскажут, где бросить якорь. И чемодан.

Подсвечивая дорогу фонариком мобильного, я аккуратно ступала по мягким ковровинам. Луч иногда утыкался в стены, выхватывая яркие полотна, подсвеченные привычными уже зажженными свечами за стеклами с легким нагаром. Некоторые картины были ростом с меня, другие размером со спичечный коробок.

– Это те, что Воронцова пишет?

Решив рассмотреть их при свете дня, я приблизилась к широким дверям внутри арочного изгиба. Вряд ли кто-то поставит такие витражи в обычную спальню. Шагнув внутрь, оказалась в библиотеке с каминным залом.

Возле камина разлеглись овалами несколько кожаных ди-

ванов, хоть вдоль на них ложись, хоть поперек – такие они были огромные. Кожа диванов подо мной мелодично хрустнула. Решив на всякий случай проверить, нет ли здесь никого, я обошла ряды стеллажей по проходам.

Каких только книг здесь не было! И многие на неизвестных мне языках, в потрепанных обложках или украшенные кожаными переплетами с гравировкой. Вдоль стеллажей я заметила приставные лестницы на колесиках и то здесь, то там разваленные стопки книг.

Подняв ту, о которую споткнулась, я прочитала название: «Инженерные особенности строительства ледовых сооружений». Рядом лежала распахнутая географическая карта, подписанная «Оймякон», а третьей книгой оказалась методичка о способах выращивания пшеницы. Внутри нее все строки были перечеркнуты. Поверх них шли слова, написанные красивым ровным почерком, какого я не видела даже в приложении для работы с текстами.

Покрутив в руке длинное белое перо, воткнутое в чернильницу, я случайно уронила кляксу на текст и, скорее запихивая методичку под карту, поспешила вернуться к камину.

Накидав подушек на диваны, я завалилась спать, укрывшись синтетической белой шкурой. После десяти минут скрипа кожи от каждого моего вдоха и выдоха пришлось скатиться с певучей кожи диванов на пол вместе со шкурой и подушками.

Наконец-то я нашла удобное местечко в этом замке из травы, что выращивала Алла. Хоть это место оказалось на полу, я ни капельки не боялась. Тем более не боялась этого дома, мой-то ничуть не лучше.

Если выжила там, выживу и здесь. Пусть даже из ума.

Глава 3

Алая принцесска

Музыка. Это было первое, что я услышала, медленно распахивая глаза. Ноги что-то пощекотало. А потом щекотка юркнула по всему телу от лодыжек до ключиц. Закричав, я подскочила и врезалась головой в нависавший надо мной журнальный столик.

– Ай! – схватилась за голову.

– Геката! – уставилась на меня девушка, сидевшая на диване напротив. – Не бойся ее! Прости, пожалуйста, это Геката, мой хорек. Прости ради бога, что разбудили тебя так... неделикатно. Но ты можешь опоздать... Я Алла, доброго тебе утра и всех благ! – протянула она мне блюдо с чем-то ароматным и горячим.

Пытаясь переварить слова про хорька, валяясь на полу перед ногами Аллы Воронцовой, я уставилась на ароматный хлеб.

– Благ?.. – не поняла я, о чем речь. Уж не откинуло ли меня ударом о столик в допетровскую эпоху? – Что это? Каравай? – уставилась я на блюдо, такое же тяжелое и серебряное, как поднос в багажнике Жени.

– Хлеб! Я сама пеку! И пшеницу сама выращиваю. Это... такой обычай, встречать гостя хлебом и солью, – расплывалась Алла в улыбке.

– У меня спортивная диета, нам хлеб нельзя. . . – растирала я шишку, вспоминая, где я и как тут оказалась. . . под столом, на полу, у камина, в окружении караваев и хорьков. . . ну да, я же в гостях у Воронцовых. . . теперь все понятно.

– О, прошу прощения. Я не знала, – расстроилась Алла.

– Да ладно, забей. Ты. . . Алла?

– Да, – кивнула она, поправляя локон возле слухового аппарата. – Как голова? Ты не поранилась? Так сильно ударились о столик, – поморщилась она, словно ощущая ту же боль, что и я.

– В хоккее получала и посильнее, – растирала я шишку. – Это твой хорек меня щекотал?

– Ее Геката зовут, – попробовала Алла подобрать свою пушистость, но хорек вырвался, продолжая обнюхивать уголки моего одеяла из синтетической шкуры. – У нее инстинкт прятаться. Почему ты спишь на полу, прости господи? У тебя своя комната на втором этаже. Я искала тебя по всему дому. А нашла тебя Геката, я просто шла за ней.

– Максим пошутил. Сказал, что моя комната с журавлем. А там живет какой-то парень со скрипкой.

Я уже не волновалась по поводу шишки или Кости, главное, что Алла адекватная. Ну, кроме каравая. Она была совсем не крашена, а ее одежда совсем не выглядела эпатажной, откровенной или вычурной.

И что там папа рассказывал, что она сидела дурочкой с капающей слюной? Это он вообще о ней?

Тонкие светлые волосы опускались ниже плеч Аллы. Их кончики были заметно выкрашены в алый, совсем как газон, на три миллиметра. Никакого макияжа на прозрачной ровной коже. Ресницы и брови без наращенных волосков или татуированных окантовок.

Алла выглядела так обыкновенно, что почти скучно. Ничего особенного о ней и не скажешь. Средний рост, среднее телосложение. Азиатские глаза с перчинкой, как у брата, ей не достались. Алла получила вполне обычные голубые.

В детстве она выглядела намного интересней, а с возрастом сравнилась с остальными (к счастью для меня). Ни высокомерия, ни горделивой осанки, ни заносчивого взгляда и плавности движений измученной деньгами девушки – на что бы потратить очередной миллион, выданный на карманные расходы.

Если бы она встала на глобус правителей мира возле Максима, то рухнула бы с него прямиком на свой элитный газон.

Нет, она была совсем другой. Может, я редко смотрела на людей, но всякий раз видела их как детальки пазлов, которые могли складываться между собой так или иначе, – и мой взгляд никогда меня не подводил.

Тонкие лодыжки Аллы были перетянуты белыми ремешками босоножек на высоких танкетках из тугого шершавого каната. Между коленями она зажала подол широкой бежевой юбки из плотной ткани, украшенной узором из красных точек и палочек и, я была почти уверена, вышитым вручную

(каким-нибудь элитным модным домом?).

Юбка казалась слишком тяжелой для лета из-за обилия складок и количества потраченной на нее ткани. Белая блузка с высокой горловиной, бегущей вокруг тонкой шеи Аллы волной, оказалась застегнута на десяток белых пуговиц-гвоздиков вдоль ее шеи по бокам.

Я даже представить не могла, сколько времени она потратила, чтобы вдеть в петельки все эти пуговицы с двух сторон. Рукава блузки заканчивались ободками из широких шифоновых рюшей, которых хватило бы нам со Светкой на пару мини-юбок, и то Светка бы назвала эту длину миди.

Тонкий бежевый джемпер обнимал Аллу со спины, свернувшись аккуратным, почти отутюженным узелком рукавов на груди.

На мизинце ее руки переливалось толстое золотое колечко, а в ушах были слуховые аппараты телесного цвета, которые я видела на детском снимке.

– Макс всегда шутит над гостями. Не обращай внимания, Кирочка. Тебя все потеряли, прости господи, – тихо произнесла она. – Ой! Пора торопиться! Мы жутко опаздываем! Встав после сна, мы припадаем к стопам Твоим, Благий, и ангельскую песнь возглашаем Тебе, Сильный: Свят, Свят, Свят Ты, Боже, молитвами Богородицы помилуй нас. Скорее спускайся вниз.

Поправив юбку, Алла подобрала своего вырывающегося из ее рук хорька, оставила блюдо с хлебом и быстрым шагом

засеменила к двери.

– Опаздываем? Куда, Алла?..

На улице плюс тридцать. Я надела джинсовые шорты и белую футболку, спрятала пучок растрепанных нечесанных волос под кепку, прикрыла невыспавшиеся глаза солнцезащитными очками и побежала вниз.

На втором этаже постучала в дверь с журавлями. Никто не отозвался. Быстренько юркнув в душевую Кости, набрала в рот пасты и прополоскала рот.

На подъездной дорожке возле «Ауди» с распахнутой дверью меня дождался Женя. Он вытянул руку, помогая мне сесть, но я отбила по ней пятью и запрыгнула в салон сама, перебарывая желание потоптаться босыми пятками по зеленому шелку лужаек.

В салоне уже сидела Алла. Ее ладони были аккуратно сложены поверх расправленной куполом юбки. Ноги чуть вытянуты и прижаты друг к другу щиколотками в легком наклоне.

«Ауди» тронулась с места нежным дуновением ветра, что колышет пыльцу на тычинках пионов. Следом за нами с ревом стартанул красный внедорожник, похожий на новогоднюю гирлянду из-за светящегося всеми цветами днища.

– Парни, – отмахнулась Алла. – Макс постоянно демонстрирует себя размерами машин или часов, прости господи. Придите, поклонимся Царю, нашему Богу. Придите, поклонимся и припадем ко Христу-Царю, нашему Богу. Придите,

поклонимся и припадем к Самому Христу, Царю и Богу нашему, – повторила она несколько раз.

Алла смущенно приподняла пальцы к губам, продолжая шептать молитвы и креститься.

– Ал, куда мы едем? – спросила я, когда она закончила шептать.

– В воскресенье? – удивилась Алла.

– Это ваше стоп-слово? Ну и что, что сегодня воскресенье? Семь утра. Можно было бы спать... еще примерно столько же часов... – зевнула я шесть раз подряд.

– В храм, – ответила Алла. – Сегодня воскресенье, Кирочка. Мы едем на утреннюю службу.

Кажется, последний раз я была в храме на собственном крещении. В два года.

– Я не пойду! Алла, нет. Я же... Я не одета!..

В пассажирских окнах мелькали луга, мимо которых несся Женя. Он ни разу не нарушил правила, но всякий раз, словно экстрасенс, предвидел, сколько будет гореть светофор, с какой стороны совершить маневр, когда сбросить, а когда ускориться.

Шофер красного внедорожника ему не уступал, но определенно делал все, чтобы обогнать. Машина опередила нас возле железнодорожного переезда, просочившись в щель между опущенными шлагбаумами. В окно на пассажирском сиденье возле Максима я увидела Костю. Он был в белой рубашке и ослабленном галстуке. Поправив на переносице оч-

ки, он не сводил с меня взгляда.

– Как батюшка с матушкой не любят такое поведение брата, – вздохнула Алла. – Никакой на него управы, Кирочка. Он делает так, чтобы позлить семью. Не обращай на него внимания. Он не хотел обидеть тебя вчерашней шуткой. Он просто... себе на уме. Как я ни молила его, как ни уговаривала стать хорошим сыном батюшке с матушкой, Максим сопротивляется.

– Ничего, – прижалась я шишкой к прохладному стеклу, – порядок. Мне с ним детей не крестить.

Припарковав «Ауди», Женя открыл дверь Алле. Я, как обычно, справилась с непосильным трудом дерганья за ручку и выгрузки собственной тушки самостоятельно.

– Кирочка, возьми вот это на время.

Алла подошла к лавочке, на которой лежали прокатные церковные юбки и платки. Мне пришлось окуклиться в длинную синюю ткань поверх шорт. А на голову повязать косынку прямо под подбородком. В этой красоте я предстала перед шедшими к нам Максимом и Костей.

Оказалось, что в костюмах были они оба. На лацканах рубашки Макса солнечными зайчиками играли золотые запонки, и тем же бликом отражалось золотое кольцо на мизинце. На ладонях все те же красные перчатки и солнцезащитные очки на глазах.

В дневном свете появилась возможность получше рассмотреть «серого» Костю, что я и сделала.

Глаза у него оказались голубыми, спрятанными за стеклами очков человека с минусовым зрением, а волосы каштановыми и растрепанными, чуть темнее моих. Он был немного выше Макса и напоминал персонажа из японского аниме. С острыми углами скул, подбородка и плеч. С небольшим носом, красивее моего. С узкими бедрами, широкими плечами и накачанным прессом. Сейчас я его не видела, но точно знала, что он должен быть таким. Еще анимационные парни всегда спокойны, рассудительны и холодны, нейтрально заботливы и романтично отрешены. Никогда не поймешь – влюблен он или хочет в туалет по-большому. Выражение лица остается тем же.

Вот и Костя был точно таким – нейтрально-серым, как его фамилия. Шаг в сторону, любое сотрясение на тонкой канатной нитке – и он превратится в черного или белого, потеряв равновесие, проявив эмоции гнева или счастья.

Но не сейчас. Не вчера. Не сегодня.

И да. На его мизинце тоже было кольцо. Толстое. Золотое. С закругленными краями. Может, они дали обед целомудрия? Все трое. Я видела такое в кино про подростков, когда до свадьбы ни-ни.

Приблизившись, Макс и Костя поцеловали Аллу в щеки, а после оба уставились на меня – окуклившуюся матрешку в косынке (в памяти стояла старая фотка с детской площадки, где в присутствии Макса и Аллы я выглядела примерно так же). Пробуя достать пряди из-под косынки, я хотела спрятать

шишку, оставленную углом стола после утреннего пробуждения на полу гостеприимного дома.

– Как почивалось, дорогая Кириллия? – поинтересовался Макс с вежливым поклоном головы, стягивая красные водительские перчатки с пальцев.

Он заметил мою шишку, но сразу же деликатно перевел взгляд. Теперь он смотрел прямо на меня.

– Прекрасно. Благодарю за фирменное гостеприимство, Максимилиан. Ваш пол в библиотеке изысканно мягок. Он сильно отличается от нашего в Ни-Но.

– Фирменное гостеприимство, оно попозже, – подмигнул он, снова скользнув взглядом по шишаку. Надеюсь, я не ошиблась, заметив в его глазах грусть. – Пора, друзья. Отец ждет. И святой, и земной.

Алла накинула похожую на фату прозрачную вуаль на волосы и пошла в храм первой. Следом за ней Вороной и Серый, ну и я – замыкающим пингином. Из-за тугости обмотанного вокруг моего тела ковра колени не гнулись, пришлось семенить пингвиньим шагом.

В храме пахло расплавленным воском. Золотой свет падал под ноги, смешиваясь с разноцветными бликами и мозаикой пола. Кто-то из прихожан в дверях вручил Алле свечи. Их семью все вокруг знали, уважительно здоровались, приветствовали. Алла дала по свечке парням. Одна досталась и мне.

– Эти самые лучшие, – кивнула она на свечи, – горят по

сорок пять минут.

Прячась за спинами, я пробовала держаться ближе к церковной лавке, точнее ближе к выходу. Мне было неловко. Я не помнила, как креститься: слева направо или справа налево? А когда кланяться? А нужно ли повторять молитвы или слово «аминь»?

Священнослужитель пошел вокруг с непонятной штукой на цепочках, из которой шел дым, прихожане расступились, отодвигаясь от стен. Они поворачивались к священнику, и только я стояла истуканом с острова Пасхи (и примерно с таким же выражением лица). Напротив меня оказалась святая троица: «Вороной» и «Серый» по бокам от «Алой». У всех горели в руках свечи. Они крестились и кланялись синхронно. Все разом. Все вместе.

Чьи-то руки аккуратно развернули меня лицом в сторону священнослужителей.

– Справа налево, опускай руку и кланяйся, – подсказала мне бабушка.

– Я не умею.

– Научишься. Вера не в обрядах. Она в сердце живет.

Когда она сказала про веру, я вспомнила маму. Конечно, в храме я была не только на своем крещении, но и после. Один раз. С мамой.

Мне исполнялось одиннадцать, и мама обещала, что на день рождения мы отправимся с ней гулять. Зайдем в зоопарк, а потом купим розовый торт с рисунком слона, я при-

глашу подружек из гимнастического зала на пижамную вечеринку, и можно будет не спать до десяти ночи и посмотреть «Терминатора».

Утром разбудил папа. Он ничего не объяснил. Наскоро собрал. Обул меня в разные сапоги – один зеленый, второй синий, и повел на улицу. Я что-то спрашивала про зоопарк, про пижаму и про подарки, еле за ним поспевая.

День рождения у меня зимой. В это время уже снег идет. И в тот день было точно так же. Иногда я поскальзывалась на затянутых корками лужах, а папа удерживал за руку, не давая упасть. Он вроде бы ловил, но не замечал, что я морщусь, мое плечо начинало ныть от его дерготни.

Папа оставлял меня у входа то в продуктовый, то в магазин с одеждой, то возле «Детского мира». Мне мечталось, что в каждом он покупает подарки, которые вручат вечером среди подруг. В вещевом – пижаму для праздника, в продуктовом – торт и газировку, в «Детском мире» – именинные свечи, о которых то и дело говорил отец.

– Свечи, свечи... где могут быть свечи? – бубнил он, забегая во все подряд магазины.

Мы встали возле таксофона, и, пока я прыгала по сугробам, он позвонил бабушке. После их короткого разговора мы побежали в церковь. Внутри нашли маму. Она стояла возле высокого для меня стола. На потухших огарках, которыми был утыкан золотистый стол, громоздилась розовая коробка с розовым тортом. Обгоревшие пеньки одиннадцати церков-

ных свечек торчали из него, пока мама билась на коленях, ударяясь лбом об пол.

Папа помог ей подняться, показывая на меня. Раз за разом он пытался собрать с пола бескостное железное тело своей супруги. Не помню слов, которые он говорил, но помню аромат церковного воска на руках мамы, когда она сгребла меня в охапку и разрыдалась, повторяя: «Она живая, она не умерла!»

День рождения я не отметила. Церковные оплавившиеся свечи в розовом торте, бьющаяся в истерике мать на полу храма, папа, чуть не выдернувший мне плечо. А потом приехала бабушка и жила с нами месяц. Каждую ночь, укладывая меня, она повторяла: «Мама у тебя актриса. Забудь, внучка. Она роль репетировала, а нас не предупредила. Забудь. Все это было как в дурном сне. Проснулась и ничего не помнишь, верно?»

– Мне никогда не снятся сны, бабуль.

– Когда-нибудь приснятся.

– Кошмары? Мне кошмар приснится, как маме, да?

– Не кошмар, а самый прекрасный в мире сон. Лучше, чем в жизни. А про маму не думай. Это роль была такая, это роль была. Все ненастоящее, все это не взаправду, внученька.

Вся жизнь моей матери была одной огромной ролью, где притворство неотлично от реальности, где нет границы между фантазией и правдой, где сценарий писала она одна.

Я никогда не задувала свечи на именинном торте с тех са-

мых пор. А еще меня мучил вопрос: «она живая», повторяла мама в храме. А я что, должна была умереть?

Опустив взгляд на руки, я увидела теплый воск, облепивший пальцы, и горящий сантиметровой огарок. Отпусти я сейчас свечу, она не упадет, оставшись приклеенной к моей коже.

Мимо шел Максим. Он взялся за остаток свечи, подсвечником которой стали мои пальцы, нагрел у основания, молча сжимая мою кисть и неотрывно глядя на меня – только я так и не смогла взглянуть на него в ответ. Он переставил свечу к иконе.

На выходе я спросила бабушку, помогающую мне, что это за икона.

– То копия великой иконы Троицы. Видишь три ангела? Они сидят кругом за жертвенником, а в центре чаша с головой тельца.

– Святая Троица, – смотрела я в спину выходящему из храма Максиму. – А за что к ней ставят свечи?

– За здравие, конечно. За крепкое здравие тела и духа.

Я только успела спуститься по ступенькам, как меня кто-то бесцеремонно обнял.

– Кирочка! Кирочка, милая моя, куда ты все время теряешься! Здравствуй, родная! Ну, как ты?

Высокая улыбчивая женщина сжимала меня не сильно и

почти приятно в своих теплых руках. От нее пахло слабым парфюмом и церковным ладаном. Какими должны быть объятия, я всегда представляла весьма теоретически – родители никогда не обнимали меня, а я их.

– Я Владислава Сергеевна, мама Алочки и Максима, – выпустила меня женщина. – Ты меня помнишь? Мы виделись в детстве.

– По фотографии, – краснея, ответила я.

Спустя восемь лет после тех снимков с пикника, что сделали на детской площадке Солнечногорска, Воронцова почти не изменилась. Выросли ее дети, выросла я, а Владислава выглядела почти так же. Только волосы стали короче, такие же светлые, как у Аллы. Как и дочь, она не пользовалась косметикой, кроме помады (и это семья косметологического магната), и предпочитала одеваться во все белое.

Ее вязанное из тонкого кашемира платье спускалось до самых щиколоток. Грудь, руки и плечи были полностью закрыты. Жемчужным ожерельем с бесконечным количеством нитей была украшена ее шея, и такими же оказались браслеты, от тяжести которых синими прожилками налились ее вены на кистях рук.

Я задумалась: а тонет ли жемчуг? С таким количеством твердых минералов на теле ей надо бы держаться подальше от воды.

– Как я рада, что ты погостишь у нас, Кирочка. Оставайся

сколько пожелаешь и ничего не стесняйся. Ты будешь чувствовать себя как дома, я надеюсь! – ворковала Владислава Сергеевна, пытаясь оправить то мою косынку, то затянутую в рулон прокатную юбку.

Я надеялась, что нет. Как дома я себя чувствовать точно не хочу.

Защитный механизм моей памяти оберегал остатки рассудка. Многое из того, что я пережила, стерлось. Что-то ушло на задний план, затерялось в хламе удаленных с жесткого диска файлов – таких, как день рождения с пижамной вечеринкой, когда мама стояла передо мной на коленях, повторяя: «Она живая, она не умерла!»

Все, что осталось, – временами возвращающаяся боль в правой ладони, порезанные фотки и всплески адреналина при слове «тайна», что двигали меня вперед и в конце концов подвигали до Рублевского Града.

Но ни с папой, ни с бабушкой, ни тем более с мамой о прошлом я больше не говорила. Мы всегда так делали. Делали вид, что ничего не случилось. Молчали, как аквариумные рыбки. Может, поэтому отец их завел. Не зря же говорят, животные похожи на своих хозяев. Наша семья была рыбками. Вот бы еще золотыми, но мы оказались бесцветными пескарями в задрипанном озерке (радиоактивном, из которого хлебали те самые кролики).

Золотыми могли бы стать Алла, Максим и их родители.
– Кирочка, а как дела у твоих мамы с папой? Как они по-

живают? – интересовалась Воронцова.

Чуть было не брякнула «вашими молитвами», но в окружающем антураже это было бы неуместно.

– У них все... нормально. Спасибо.

– Дай-то Бог, дай-то Бог им милости и здравия. Алла, девочка моя, подойди к нам, – позвала Воронцова дочь, – стой рядом. Я так сильно скучала по дочке, – пояснила она мне, – те два года, что Аллочка... отсутствовала, превратились для меня в двадцать.

– Матушка, но я же вернулась, – подошла к ней Алла и послушно встала рядом, опуская взгляд в пол.

– Знаю, родная, знаю, – озираясь, поцеловала она дочку в центр лба, оставляя на белой вуали легкий отпечаток помады. – Ты моя кровиночка. Без тебя все было не так.

Она прижала Аллу, и я видела, как слезятся глаза Воронцовой.

– Все не так, – оставляла она новые, с каждым разом все более бледные отпечатки губ на белой вуали дочери, – все не так, моя доченька, – шептала она в уши Аллы, чтобы та точно услышала через слуховые аппараты, – где же ты... где же ты была, родная?! Куда ты пропала?! Куда спряталась?! – вращалась Владислава Сергеевна с повисшей на груди Аллой.

Мне стало неловко, что я наблюдаю за какой-то интимной сценой единения семьи. Алла, кажется, не была против. Любая девятнадцатилетняя девушка рвалась бы прочь, не позволяя так себя тискать на глазах у всех, но Алла висела на

матери на манер тряпичной куклы с металлическим каркасом. Металла в ней было достаточно, чтобы не падать, но недостаточно, чтобы уйти. Взгляд потух, рот приоткрылся, и я зажмурилась, чтобы не увидеть то, о чем предупреждал отец, – капающую слюну безумия.

«Нет, здоровых людей в этом мире совершенно точно нет. Богатых или бедных – неважно», – убедилась я, наблюдая мизансцену.

– Вы с ними дружили? – решила я удержать Воронцову в русле разговора о родителях. – Я видела фотографии, – сразу надавила я на триггер.

Вдруг для нее это слово тоже что-то значит?

– И вы дружили, – баюкала она Аллу, качаясь с ней туда-обратно, как с грудной в переноске, только вот грудничок вымахал ростом с мать. – Мы жили в Солнечногорске. Жены и дети военных постоянно где-то в пути, следом за отцами, мужьями. Я преподавала ИЗО в школе, а твоя мама Мариночка работала в бухгалтерии. Она хорошо умела считать.

– До двух? – уточнила я.

– Как это? – не поняла Воронцова.

– Мама не произносит цифру «два». И все остальные, типа «две», «двух», «двое».

– Двое?.. – заметила я, как вздрогнула Воронцова, чуть было не выпустив свою пятидесятипятикилограммовую малышку. – Ну, Кирочка, тебе показалось... Ты просто не замечаешь. Нет ничего особенного в числе «два», ч-ч-ч-чш,

тише, моя родная, спаси Господь всех нас... спаси нас, Боже... да помилуй детей наших.

«От чего?! От чего вы все спасаетесь?!» – чуть не закричала я, но мне помешали Максим с Костей. Они спустились вниз по лестнице храма и быстрым шагом приблизились к нам.

– Маман, – положил Максим руку на плечо женщины. На его мизинце блеснуло золотое толстое кольцо. – Алле нужно прогуляться. Ты позволишь? Мы поедем в Екатерининский парк. Ну давай, – гладил он по спине сестру, пробуя аккуратно убрать с той орлиные пальцы Воронцовой, что ни в какую не желала расставаться с добычей.

– Здравствуй, Кира, – поздоровался со мной Сергей Воронцов. Он быстро улыбнулся, но тут же подошел к супруге, помогая орлице отпустить своего взрослого птенца. – Идем Владислава, тебя Яна искала, уточнить что-то про вернисаж. И пора готовиться к ужину в честь гостыи. Отпусти. Алле... ей нужно погулять. Брат с Константином присмотрят.

– Яна? Меня искала Яна? – резко выпустила Владислава дочь, и той ничего не осталось, кроме как рухнуть коленями на траву. – Скорее! – заторопилась Воронцова. – Мне нужно бежать!

Прозрачная вуаль рвалась с шеи Аллы крыльями белой голубки в голубое небо, пока Максим не подошел к ней и не помог подняться на ноги.

Поравнявшись с моим плечом, рядом остановился Костя.

Он смотрел на Аллу с Максимом, но говорил со мной:

– Уезжай из их дома, Кира. Просто уезжай. Сегодня же.

– Ни за что. Это ерунда, – я имела в виду приступ Аллы, – у меня дома не лучше.

– Ты не знаешь, во что вмешиваешься. Я сам не понимаю... но все это неправильно.

– Что неправильно?

– Многое. Поведение Воронцовой. Она... не в себе.

– Она как раз в себе по сравнению с моей матерью. Пока гуппи тебе на ужин не пожарит, все в норме!

Он дернул плечом, а потом и уголком рта, решив, наверное, что все мы собрались у Воронцовых, как в какой-то общей дурке. Опустив взгляд, я заметила на его мизинце толстое золотое кольцо.

– Что за братство? – коснулась я его ладони, и он вздрогнул. – Зачем вы носите их?

– Костян! – окрикнул его Макс. – Помоги мне, – он чуть заметно дернулся кивком в сторону матери, без умолку тараторящей про вернисаж, про Яну, про картины, про гостей и про шестнадцатиярусный торт в форме букета красных роз.

Костя набросил на плечи Аллы свой пиджак и повел в сторону джипа. Когда они проходили мимо, я наконец-то смогла увидеть глаза Аллы. И мокрые дорожки под ними, проложенные привычным маршрутом слезинок, как на лице человека, что плачет ежедневно.

Годами.

Каждая капля помнит дорогу, каждый волосок на коже, каждую веснушку, что огибает ручеек, питаюсь с голубого водопада новым всхлипом, скользя по подрагивающему подбородку, пока не сорвется в пучину.

Первой уехала иномарка Воронцовых, следом красный джип Максима с Костей и Аллой. Я видела сквозь окно, как Алла навалилась на Костю, а тот разматывает с ее головы вуаль с размазанными арками от помады Воронцовой.

Облако пыли из-под колес обдало меня запахом резины и горькой полыни с сельской площадки для парковки у храма.

Я освободилась из юбки с косынкой, возвращая их на лавочку возле центральных ворот.

– Чудные люди, – отозвалась женщина, торгующая на прилавке садовыми яблоками, – ох и чудные.

– Воронцовы? Знаете их?

Женщина протянула мне яркое желтое яблоко:

– Бери. Мытое.

– Спасибо.

– Родственники тебе?

– Нет, друзья родителей.

– Хорошо, что не родня, – вздохнула женщина, перекрестившись на храм. – Не станешь такой, как их бедняжка Альсиния.

– Кто синяя?

Женщина в хлопковой косынке, завязанной на затылке, всплеснула руками, чуть не расхохотавшись, но вовремя

прикрыла рот ладошкой:

– Альсиния! Полное имя Аллы. Моя Оксанка с ней в школе училась до шестого класса. Умная девочка. Алка-то. И что с ней только стало... – печально качала продавщица головой. – Вот верно говорят, чужая душа потемки. Не позавидую им, богачам-то этим. Я вот пусть яблоки продаю, но дочка моя, да и сама я, остаемся в здравом уме.

Я откусила от яблока:

– А не знаете, почему Алла стала такой? И мама ее?

– Сплетни это, но, говорят, наследственное. Говорят, болела она жутко. И что лечили ее чем-то страшным.

– А Максим Воронцов?

– Смотри не влюбись в него! – захохотала женщина. – Тот он сердцеед! Донжуан и ловелас! Но ты, поди, уже успела втрескаться-то? Вижу, что успела!

– Что?! Ни за что!! Я учиться приехала! – а в уме добавила: «И разгадывать тайну порезанных фотографий из прошлого».

– Кира, – подошел к нам Женя, пряча мобильник на толстом красном шнуре под пиджак, – вот ты где. Здравствуйте, Антонина, – поприветствовал он мою собеседницу. – Пора ехать. Я отвезу тебя обратно в Каземат.

Услышав про Каземат, Антонина покосилась на нас, распахнув глаза.

– Он шутит, – объяснила я.

Мы направились к машине, где меня снова приятно ука-

чало. Ехали в полной тишине. Если честно, мне хотелось побыстрее вернуться, позавтракать и завалиться досыпать. Из меня бы вышла потрясающая летучая мышь или вампириша – я обожала сумерки, темноту и мрак, желательно дождь, а не яркое солнце и зной в разгар летнего дня.

У ворот в Лапино Град Женя остановился на боковой полосе. Я вынырнула из полудремы, только когда хлопнула дверца, и сразу увидела красный джип Макса. Оба парня, он и Костя, стояли на улице. Алла сидела внутри салона. Я не видела ее, только рисунок, проступающий от горячего дыхания... она чертила круг с выступающим за края плюсом.

Выдохнет, начертит, сотрет. Выдохнет, снова начертит и сотрет.

Тот самый рисунок, который был в клетке классиков!

Пока Алла выдыхала, Максим протянул Жене красный бархатный мешочек, и водитель поскорее спрятал его в карман пиджака.

Костя какое-то время пялился сквозь тонированные стекла «Ауди» в точку ровно между моих глаз и что-то бормотал. Вздвигнув, я пересела на другую часть заднего сиденья.

Я не собиралась на него смотреть, принципиально разглядывала мусорку на противоположной стороне дороги. Пока Женя возвращался с передаткой, а красный джип, расстреливая щебенку из-под колес, газовал в сторону трассы, я выскользнула из салона, решив, что отосплюсь попозже.

– Жень, смотри. Тут самокаты прокатные. Ты езжай, даль-

ше я сама. Только приложение скачаю. Ты не знаешь, что это за шеринг? Нигде нет лейбла... – вертела я остов самоката.

– Они не прокатные, – подошел Женя, – их выкинули. Это же мусорка.

– Выкинули? Но они же совсем новые, ты уверен? – не могла я поверить, что существуют такие мусорки.

– Как-то раз я видел сваленную здесь мебель, на которую копил полгода. Рублевка, – развел он руками.

– То есть их можно просто забрать?

– Зачем тебе?

– Я покопаюсь в нем, люблю чинить сломанное, – обрадовалась я добыче. – Такие стоят по пятьдесят тысяч. Давай один возьмем. Вот этот, зеленый! – вцепилась я в руль, не собираясь уступать, даже если он скажет «нет».

– Подогнать инструмент?

– Супер!

Женя не позволил идти через главные ворота с самокатом из мусорки. Он ловко закинул груз в багажник и выгрузил на парковочной площадке за Казематом младших Воронцовых.

Кажется, наша возня привлекла внимание. Сквозь занавеску первого этажа за нами наблюдала девушка. Я успела заметить ее кудрявые волосы, яркую помаду и строгий черный костюм с тугим красным галстуком вокруг черного ворота рубашки. Как только она засекала, что обнаружена, быстро скрылась, плотно задергивая все три ряда штор.

– Там кто-то есть, – подпрыгнула я к подоконнику, сложи-

ла руки возле щек, создавая тень, и попробовала присмотреться. – И не говори, что мне показалось! В доме кто-то ходит! – убеждала я Женю, похожая сейчас на свою мать, доказывающую, что только что звонил енот.

– Конечно, – к моему облегчению, быстро согласился он, – в доме куча обслуживающего персонала. Клининг, повара, тренеры, коучи, ассистенты плюс сотрудники галереи Владиславы Сергеевны.

– Но не в Каземате. Ты сказал, туда никому нельзя. Может, кто-то из сотрудников Аллы, кто работает в оранжерее? – посмотрела я через плечо на торчащий кукурузный купол цветата патоки на меди.

– Точно нет! – бодро ответил Женя. – В оранжерее никто не работает. Там всем управляет автоматика. Константин Серый настраивал систему лично.

– Костя? Он типа айтишник?

– У них с Максимом Сергеевичем свой стартап с проектом умных домов, когда внутри квартиры духовки, холодильники и туалеты управляются голосом. Хоть пиццу тебе закажут, хоть круиз.

– Туалет заказывает пиццу и круиз по джакузи? Ясно. С Кости – мозги, с Макса – бабки. Костя мне про камеры в доме сказал, но я ни одной не видела. Зачем он соврал мне?

Женя, промахнувшись гаечным ключом, ударил себя по пальцу.

– Камеры? – переспросил он, не обращая внимания на

травму.

Сделав вывод, что я перехожу границу дозволенного, попробовала сменить тему, изобразив невинность девушки из серии «ну что эта бывшая гимнастка может знать о технике?».

– Здесь столько иномарок... – обвела я руками коллекцию «Феррари» Макса, – наверное, камеры ради них? Видеоглазки, домофоны всякие?

– А, служба безопасности! Конечно, с этим порядок. Не переживай, твой самокат не уведут. В поместье тебе ничто не угрожает, – уставился он на свой кровоточащий палец, загородив мне обзор на купол оранжереи своим красным мессивом.

– Заклей лопухом, – подсказала я.

Меня не пугала кровь. Я спокойно смотрела на отбитый палец Жени, размышляя, достаточно ли на него плюнуть, или все-таки стоит обработать антисептиком.

Женя кивнул и наклонился за пиджаком, который оставил на сидушке уличного стула. В этот момент из его нагрудного кармана звонко брякнуло. Красный бордовый мешочек. Мы оба смотрели на него сверху вниз, как на раздавленную колесами жабу, решая, кто из нас отковыряет ее с прогулочной дорожки.

– Ты ведь не скажешь мне, что там внутри? – вспомнила я, как Максим передал мешочек Жене перед тем, как все они смылись, оставив меня около мусорки.

– Ты ведь не спросишь, чтобы у нас обоих не было проблем? – быстро поднял мешочек Женя.

Я услышала звон.

– Мне надо ехать, Кира. Инструменты привезу и оставляю тут, – достал он из нагрудного кармана пиджака белый паток, белее снега в самых заповедных зонах Ни-Но, и обмотал им окровавленный палец. – Будь готова к семи.

– К чему?

– К семи часам вечера, – повторил он.

– В смысле к чему мне готовиться в семь вечера?

– Воронцовы устраивают ужин в твою честь.

Он говорил, а я наблюдала за вожденным красным бархатом. И почему меня так тянет ко всему таинственному?

Не могу пройти мимо загадки, интриги и домысла. Перечитала все детективы в книжном шкафу бабушки. Если бы папа не запретил пойти в стрелковую школу, из меня бы вышла классная сотрудница полиции. Но он записал меня в хоккейную команду, а мама на гимнастику. И там, и там я проверяла свои силы и тело на выносливость. Смогу ли забить шайбу, летящую со скоростью сто километров в час, получится ли подбросить ленту, сделать три кувырка и снова поймать ее, стоя мостиком, превращающимся в шпагат над головой?

Поэтому мне начинал нравиться дом Воронцовых. Совершенно точно я больше не боялась Аллы и Максима, но боялась не разобраться в том, кто они.

У Аллы слабый слух. Она молится и висит на груди матери тряпичной куклой, выращивает сортовой газон и возится с хорьком. Максим больше похож на сына олигарха. Он знает себе цену и несет себя миру, снисходительно позволяя свите окружать его персону. Получалось это у него естественно, как моргать или дышать, а не как у меня, когда я пробовала привлечь в прошлом году Лавочкина (Светка уговорила, чтобы я не осталась без парня на выпускном!), разрядившись в каблуки и платье.

Дранные джинсы, подкатанные рукава футболок, стоптанные кеды, свитера с торчащими нитками и толстовки с принтами – вот что я люблю.

Занавеска на окне, под которым я проводила осмотр самоката, снова качнулась. Моя смелость вздыбилась мурашками по позвонкам хребта, и, делая вид, что срочно приспичило в туалет, я направилась... просто прямо, решив обойти резиденцию по периметру и стряхнуть необъяснимую мурашечность, вызванную качающимися занавесками.

Постройки, дома, шатры, гаражи, парники – чего тут только не было!

Первым делом я приблизилась к главному хозяйскому дому – той самой резиденции Воронцовых. Миновав круглый арочный лабиринт из кустовых роз, уворачиваясь от влажных поливалок, распыляющих воду сверху, а не фонтанчиками с земли, я рассматривала сооружение, возвышающееся передо мной.

Окна здания повторяли шипы роз. Проще говоря, они выглядели острыми тонкими пирамидами, торчащими к небу. Внутри переливались витражные узоры, отбрасывая на меня разноцветные блики, словно я оказалась внутри калейдоскопа.

Широкая закругленная лестница со ступеньками высотой в пару сантиметров поднималась к центральному входу. Озираясь по сторонам, словно проверяя, не нарушаю ли я какой-нибудь устав, я встала на верхней ступени, рассматривая дверь.

Деревянная дверная арка, в которой разминулись бы два трактора, врезалась боками в темный камень из точно таких же булыжников, какими был выложен пол Каземата.

Жесткое дерево в руках умелого зодчего устояло на меня сюжетами неизвестной мне истории, зашифрованной здесь. Самым ярким элементом на арке оказался паук, притаившийся в центре паутины. Паука окружали порхающие птицы всех размеров и бабочки. Одну из них, нарушая все законы геометрии, мастер вырезал в натуральный размер на переднем плане прямо над пауком.

Бабочка цеплялась за дверь тонким хоботком, удерживающим ее на весу. Приблизившись, я встала так, что бабочка оказалась точно напротив моей щеки. Еще полшага, и я могла бы прикоснуться к ней кожей, но за дверью раздались голоса, и на стертых подошвах кед я скатилась, как на лыжах, с лестницы без ступенек (два сантиметра – это не ступенька!)

и со всех ног убежала в арочные лабиринты розария.

Удивило меня, что все здания, мимо которых я бежала, и даже деревянная дверь с пауком и бабочкой были оснащены компьютеризированными панелями с подсвеченным красным очертанием ладошки.

«Вход по отпечатку? В собственный дом?»

Убегая подальше от хозяйской резиденции, я оказалась возле вытянутой постройки, к которой меня вывела тропинка (в переводе с воронцовского – променад шириной с проезжую часть) со вздымающимися по обеим сторонам статуями.

Если бы я стала психиатром, что вряд ли, ведь я и так провела всю жизнь рядом со своей мамой, мне было бы интересно заглянуть в подсознание Аллы, придумавшей все это. Женя сказал, что Алла создала проект резиденции – неужели все это рождалось в ее блондинистой голове?

Или я ничего не понимала в красоте и искусстве, или у Аллы представление об эстетике было слишком своеобразным, но, шагая по тропе под нависающими надо мной статуями, упавшими друг на друга и остолбеневшими так – кто без головы, кто без руки, кто с половиной туловища, – я постоянно прикасалась к себе: а на месте ли все мои части тела?

Если бы сейчас не стояла середина дня, я бы засунула свою смелость под обложки всех прочитанных детективов и, накрывшись с головой, спряталась бы в безопасной горке одеял.

– Снова паутина. – Несмотря на выстриженные газоны, пихты, равнявшиеся лазерными указками, и симметричные розарии, никто не удосужился убрать со статуй паутину.

Обхватив себя за плечи, я скорее засеменила к распахнутой двери ангара, надеясь увидеть лошадей. Ну или единорогов. Я бы уже ничему не удивилась, но вместо живого передо мной предстало лишь сплошное мертвое – *nature morte*².

– Картинная галерея, – осматривалась я.

Слева и справа возвышались ровные белые стены метров двадцать в высоту, освещенные не свечными люстрами, а энергосберегающими лампами. Пахло краской и чем-то горьким, сильно знакомым.

– Герань... – выдохнула я, – конечно, так пахнет герань. Как у нас дома с каждого подоконника.

Этот запах я ни с чем не перепутаю. Так пахло в нашей квартире последние восемь лет, с тех пор как мы переехали в Нижний Новгород из Солнечногорска. Так пахли волосы и руки мамы. Прозрачная кружка отца и его отлучки по вечерам. Так пахли истерики, тяпки, еноты и бредовая болтовня.

Так пахли и картины Воронцовой. Видимо, этот готовящийся вернисаж она так торопилась обсудить сегодня с Яной.

Некоторые полотна в галерее возвышались до крыши на двадцать метров. Средними считались трехметровые, но были и крошки, не больше стрекозьего крыла.

² Натюрморт от *фр.* *nature morte* – мертвая природа.

– Одной только краски на миллионы угрохали... – уткнулась я носом в разноцветные волны, дыбящиеся с прямоугольников рам.

Я плохо разбиралась в искусстве. Могла сказать только, что картины передо мной были яркими – очень пестрыми. Их было много – очень. И они совсем не выглядели классической, скорее очумелой импрессией, где важны цвет и динамика.

Например, ту, что возвышалась прямо передо мной, написали примерно так: положили полотно на пол, вылили по углам три литра масляной краски желтого, красного, зеленого и белого цвета, а дальше перемешали валиком, метлой или вантузом.

– Моя мама справилась бы тяткой.

Чтобы рассмотреть изображенный рисунок, пришлось отойти. Маневр сработал. Наконец-то я увидела то, что изобразила на картине художница.

– Дед Мороз? Seriously?

Точнее, их было два. Они стояли лицами друг к другу зеркальным отражением с перевернутыми створками озлобленных ртов. Ускорив шаг, я побежала между проходов. Сворачивала произвольно то в одну сторону, то в другую, но везде видела одно и то же.

– Почему?.. Почему тут все нарисовано по два?

Моя мама не переваривает цифру «два», а Воронцова навешала парных рисунков по всей галерее. И что, у них не на-

шлошь другого ароматизатора воздуха, кроме как с запахом герани?

Мои вопросы копились, как и желание побыстрее поговорить с Владиславой Сергеевной.

Пустая стена, о которую я облокотилась, чтобы отдышаться, на самом деле оказалась покрыта микрокартинами три на три сантиметра.

– Их что, волоском писали? – рассматривала я сюжеты, уже не удивляясь, что все по два, и читала вслух названия: хлеб (на картине два ломтика хлеба), кукла (пупсы, как в зеркале, повернутые друг к другу), руки (сложенные молебленно) и десятки других двоек.

Еще немного – и я уткнусь носом в плитусы, чтобы прочитать названия из положения «планка».

– Впечатляют? – услышала я женский голос и поднялась на ноги, сделав кувырок. – Картины. Они впечатляют, не так ли? – повторила девушка в красном галстуке и черной рубашке, та самая, которую я мельком заметила за занавеской. – Эта коллекция Владиславы Сергеевны называется «Пара». Каждое изображение задвоено.

Если в Каземат Аллы и Макса был доступ только у двоих, то передо мной была Яна – ассистентка семьи.

Она вышагивала вдоль стены на высоченных тонких шпильках красного цвета. Ее руки были небрежно опущены в карманы черных строгих брюк, заканчивающихся на щиколотках. Выющиеся светлые волосы, небрежно уложенные на-

бок, касались ее плеча, затянутого тугой черной рубашкой. На глазах очки в стальной оправе и яркая помада на губах.

Яна была похожа на модель, шагающую по подиуму. Присев рядом со мной на корточки, она ласково улыбнулась и представилась лично:

– Меня зовут Яна. Прости, что напугала возле окна. Не хотела пересекаться с Евгением. В последнее время он игнорирует мои просьбы. Уже дважды не привез заказ Максима Сергеевича вовремя, а жаловаться я на него не хочу. Все-таки коллеги, – улыбнулась она.

Я отряхнула джинсы, хотя полы галереи были чище, чем мой обеденный стол в Нижнем, с которого я ленилась стряхивать крошки.

– Мы готовим вернисаж с возможностью продать полотна, – поднялась с корточек Яна. – Эти картины... прекрасны. Коллекционеры покупают их за огромные деньги.

– А почему все по два? – спросила я. – И Дед Мороз?

– Видение художницы, – пожала Яна плечами, – и название серии «Пара», поэтому все по два. Вам какая работа понравилась?

– Можно на ты? – предложила я, и Яна бодро кивнула. – Не знаю... я не люблю двойки. Плохие ассоциации, наверное, но это... семейная ерунда, не хочу грузить.

– Тогда, – воодушевилась Яна, – поговорим про ужин! Я искала тебя, чтобы уточнить, есть ли предпочтения по кухне. Аллергии, пищевые пристрастия, иные ограничения?

– Пристрастия? Типа люблю ли я крошку на квасе и селедку под шубой?

– Скорее, – занесла Яна стилус над экраном планшетки, готовая записывать, – не случится ли у тебя анафилактического шока от меда, орехов, шоколада, манго, рыбы или вдыхаемых пыльцовых плюс пылевых аллергенов?

– Пылевых? Яна, я обожаю пыль. Она лежит, и я полежу! – хмыкнула я под нос. – Так я всегда папе отвечаю, когда он просит убратся в комнате. И ужин... ничего не нужно, правда. Я не привыкла к еде, которую не вижу, как готовят.

– Записано, – потянулась Яна к телефону, – тогда открытая кухня? Чтобы готовили при тебе? Прислать список ресторанов и блюд на согласование?

– Нет... погоди, не надо ничего записывать и согласовывать! Поем что дадут.

– Отлично, тогда оставляем первоначальный вариант, – с облегчением выдохнула Яна, радуясь, что не придется переделывать из-за меня брони. – Я пришлю свой номер, Кира. На связи двадцать четыре дробь семь. Пишите или звоните по любому поводу, идет? Ну я побегу. Приятного вечера!

Я вышла из галереи Воронцовой-старшей, держа курс к оранжерее Воронцовой-младшей. Приблизившись, рассматривала конструкцию из стекла и металла. Она была почти с двенадцатиэтажное здание. На крыше торчали десятки панелей. Солнечные батареи я сразу узнала: они тут на каж-

дом втором доме, были еще вентиляторы и что-то похожее на огромные кондиционеры.

Здание выглядело хайтековым, но опоры и перегородки между стекол покрывались зеленой патиной под старину.

Воронцовы любили сочетать несочетаемое: ухоженный сад и паутины, новенькие картины с непросохшей краской и разрушенные статуи с обломками под ногами. Вот и оранжерея Аллы выглядела смесью старинного и современного.

Дернув ручку двери, я не сразу сообразила, почему она не отпирается. Подсказал мне голос. Кажется, пора крепить себе на плечо зеркало заднего вида, чтобы перестать вздрагивать. И чего они все подкрадываются ко мне со спины?

– Нужно приложить ладонь вон туда, – подсказал мне голос.

– Алла? – обернулась я. – Ты вернулась? – Помня, что мать терпеть не может вопросы из серии «как ты себя чувствуешь?», я спросила: – Где были?

– Заказала винтажные лейки и посеребренные вентили. Нужно усилить полив в западном крыле. Пойдем, покажу, – подошла она к двери и приложила руку к сканеру.

– У тебя проход в оранжерею по биометрии? – стояла я у нее за спиной. – Тут что, незаконка?

– Запрещенка, – поправила она. – И нет. Здесь ничего нет из того, о чем ты подумала, прости нас, Господи, грешных. Но, если ты не знала, на территории России произрастает четыреста видов ядовитых растений. Белладонна, ясенец, во-

роний глаз. Ландыш, – улыбнулась она, – никогда не покупай букетики с ландышами у торгашей на улице. Во-первых, они занесены в Красную книгу, потому что вымирают в природе, а во-вторых, могут убить твою кошку. А то и тебя. Господи, помилуй нас, – перекрестилась она.

– Ландыши? – вошла я следом. – Могут меня убить?

– Это растение содержит конваллятоксин. Он способен остановить сердце. Надень, пожалуйста, – показала она пальцем на шкафчик, на открытых полках которого хранились резиновые сапоги и одноразовые комбинезоны.

Когда мы с Аллой нарядились розовыми миньонами, в завершение образа она протянула маску.

– Кислородная? – поняла я, увидев, что шланг маски ведет к небольшому баллону. – Мы что, под воду нырнем?

Алла как раз крепила у себя за спиной баллон, подтягивая лямки.

– Чтобы ты не вдохнула случайно лишних спор. Или не чихнула своими. Такой коллекции растений нет ни у кого в мире, Кирочка. Я развожу вымирающие виды. Плюс мои изыскания помогают фармацевтам создавать лечебные препараты, косметику, мази. Недавно отец запатентовал коллагеновую аэрозольную кожу. Она помогает при ожогах. Брызгаешь, и раны заживают в шесть раз быстрее, не оставляя рубцов.

– Баллончик с кожей? И ты сама его придумала? В девятнадцать?

– Придумала давно, Кирочка. С детства... вижу больше, чем остальные. Когда вы видите букетик с белыми цветочками, я вижу пыльцу, влияющую на белковые мостики нейротрансмиттеров. Уничтожающие их. Стирающие их.

Алла проверяла показания на центральном красном ноутбуке, быстро бегая глазами по строчкам бесконечных колонок из цифр.

– Ты все еще про ландыши? Никогда их не покупала. И не буду.

– Идеально, – обрадовалась Алла, как Нео, в бегущих дорожках кода умевшая рассмотреть язык своих обожаемых растений. – Пошли, покажу кое-что уникальное! И запомни, – обернулась она так быстро, что я чуть было в нее не врезалась, – никогда не вдыхай аромат ландышей.

– Ты к ним равнодушна, да?

– Я равнодушна к твоим нейротрансмиттерам.

«Надо бы погуглить, что это такое», – решила я, но забыла сказанное Аллой слово уже через две минуты. Нет... не две, три.

Мы шли по тропинкам, выложенным из квадратных устойчивых сеток. То и дело мне на голову попадали капли оросителей, и несколько раз мимо пронесли быстрые черные тени.

– Алла, что это? Ты видела? – схватила я ее за рукав.

– Летучие мыши, попугаи, насекомые. Это божьи твари, не бойся их, Кирочка.

Она остановилась. Повернувшись ко мне, приспустила маску с носа и рта, что-то быстро прошептав, произнесла размеренно и четко:

– Отец использует в косметологии мои открытия. У него собственные бренды и сети аптек. Мои уравнения и формулы лечат суставы, язвы, выпадение волос, бесплодие и некоторые виды рака. Но я не ученая. И если честно, решает не человек, а Бог, кто и когда должен родиться или уйти. Но папа говорит, не будет денег – не будет лаборатории. Не будет моих открытий – не на что будет содержать все это. Я должна быть полезной ради семьи. Чтобы мои растения цвели и процветали, приходится играть по правилам отца. Я ему уравнения – он мне деньги и новое оборудование. Как видишь, – покрутила она золотое кольцо, на грани которого я заметила гравировку, – на лекарствах, помаде и кремах можно неплохо заработать.

– Ты делаешь полезное дело, Алла. Лекарства всем нужны. Может, ты придумаешь такое, которое вылечит мою маму?

– А что с ней?

– Что-то с головой. Она застряла. В прошлом. Мы все выкарабкались оттуда порезанными на зигзаги.

– У всех в прошлом своя печаль, поэтому я люблю только их, – вернула она маску обратно на лицо. – Растения. Они все понимают, помнят и всегда молчат. Ты знала, что мертвый пень будет питать через корни соседние деревья, его внуца-

тые потомки? Жизнь и смерть – это больше, чем все привыкли думать. Я докажу, вот увидишь.

– Что докажешь?

– Что все живое можно программировать. Управлять, а значит, предвидеть.

Я ничего не поняла, но звучало круто.

Мы пробирались все глубже. Моя маска то запотевала, когда я делал выдох, то снова становилась прозрачной от вдоха. Я старалась почаще задерживать дыхание, чтобы все внимательно рассмотреть.

А интересного тут оказалось немало.

– Как красиво, – уставилась я на круг женщин, вырезанных из камня: их было трое, и все они прижимались друг к другу спинами. В руках одна держала факелы, другие – нож и ключ. – Это фонтан? Он не работает?

Статуи заросли высокими выюнами. Я заметила порхающих над ними птиц, слышала стрекот и щебетание, словно это был не парник, а уголок потерянной цивилизации времен Атлантиды, где рука об руку шагали знание, наука и мирская красота.

– Это круг Гекаты, – ответила Алла.

– Так зовут твоего хорька?

– Так и есть. Геката – это имя богини, покровительницы колдовства и растений, особенно ядовитых, – обернулась Алла. – Ее изображали на фреске тремя фигурами. Гекату считали и доброй богиней, дарующей плодородие, но чаще

злой. Знаешь, Кирочка, – остановилась Алла, поправляя слуховой аппарат, – в каждом из нас спрятаны и добро и зло. Яд каждого растения – будущее лекарство и спасение, а в неумелых руках – орудие убийства. И каждый человек тоже может как убивать, так и спасать.

– Ну... – задумалась я, – наверное. Я не сильна в философии.

Вокруг нас проносились быстрые тени летучих мышей, огромных жуков и бессчетного количества бабочек и птиц. Я была рада, что у меня на лице маска. Не хотелось бы размазать по лбу какую-нибудь пиявку.

Если я кралась пригибаясь, то Алла смело шагала по тропинкам, огороженным перилами, рассказывая то про одно растение, то про другое.

– В моей оранжерее все держится на управлении суперкомпьютера, на программе, которую написал Костя, – продолжала Алла свою экскурсию. – Каждая секунда просчитана. Когда полив, когда прикормка, когда дополнительный свет, влажность, когда выпускать мышей. Нанятые рабочие только мешки с удобрениями таскают и заливают жидкости в техническом секторе. Внутри могу войти только я. И Костя. Он мой гений. Мой хакер. И мой жених!

– Твой? Кто?.. – ударилась я носком сапога о край абсолютно ровного квадрата плитки под ногами, споткнувшись о факт помолвки Кости и Аллы.

– Мой жених, милая Кирочка, мой будущий супруг! Мы

обвенчаемся осенью. Свадьбу хочу отметить на севере, в Оймяконе, была там? Это дивный край! Просто дивный! Ты знала, что существует сорт пшеницы, устойчивый к шестидесятиградусным морозам? Знала, что урожай с такого сорта в два раза больше? Я сама его вывела, Кирочка. Называется «Вермилион». Это означает «алый». Эта пшеница заполонит собой весь мир.

Жених, пшеница, алый, что-то там про ледники и морозы... я не услышала и половины, до сих пор пытаюсь осознать, почему факт ее помолвки так меня взбудоражил. В голову лезли картинки с пазлами Аллы и Кости, которые в моем воображении никак не удавалось соединить.

Эта странность началась в подростковом возрасте. Я решила, что у меня ранняя стадия биполярки, когда смотрела на людей, а видела расчерченное поле из кусочков мозаики и могла соединять в воображении их тела и души.

Первый раз попробовала на Светке, когда парень из интернета пригласил ее погулять. Она показала мне его фотку, и я тут же расчертила его, подставляя рядом подругу. Но никак, совершенно никак не клеились друг к другу кусочки мозаики, края оставались настолько неподходящими, что и молотком их друг к другу не прибить.

Я просила Светку не ходить на свидание, сказав честно, как девчонка девчонке: «Придурок он, не ходи!»

Но когда Светка слушала мои советы о парнях? От подружки, которая до сих пор никого толком не целовала, не то что

не встречалась, как нормальные парочки.

Светка вырядилась в короткую обтягивающую юбку и шпильки, а на следующее утро пришла в школу с царапинами на ногах. Соврала, что споткнулась на шпильках, и только спустя год рассказала, что тот парень напал на нее в машине. Разорвал колготки и блузку. Она саданула ему по лицу связкой ключей, зажатых в кулаке, и сбежала... действительно рухнув на каблуках пару раз.

Я стояла посреди оранжереи Воронцовой, окруженная ядовитыми растениями, летучими мышами, попугаями и жуками размером с хомяков, а в голове раскладывала на пазл помолвленных Аллу и Костю, и получалось... еще хуже, чем у Светки с тем маньяком.

Или... все это только моя фантазия? Та самая латентная биполярка, которую я не хочу признавать?

– Поздравляю со свадьбой... – монотонно пропыхтела я сквозь запотевшую кислородную маску в лицо Алле, ожидавшей от меня хоть какой-то реакции. – Нечем дышать... Алла, в этой маске мне нечем дышать! – схватила я за поручень.

– Сейчас! Повернись спиной, я усилю подачу кислорода.

Она на что-то нажимала у меня на спине, и меня легонько шатало – надеюсь, от кислородного голодания, а не от новости о помолвке.

– Ну как ты? Получше? Готова увидеть проект всей моей жизни?!

Я кивнула, и, стянув перчатку, Алла прикосновением руки к панели открыла проход в отсек, возле которого висела огромная золотая табличка с надписью «Пуйя Раймонди – проект моей жизни».

В центре зала громоздилось растение, похожее на десятиметровую свечку, уносящуюся к прозрачной куполообразной крыше, в объёме четыре метра.

Алла вытянула руки к своему творению:

– Пуйя Раймонди. Живет в Андах, и всего одно растение выжило не у них, а в моей лаборатории. Вымирающий вид. Их вырубали ради пропитания для скота или строительного материала.

Алла читала лекцию, рассматривая цифры на мониторе с показателями. К растению вело несколько проводов, похожих на те, что считывают электрокардиограмму сердца.

– Растение всю жизнь копит силы, Кирочка. Целых сто пятьдесят лет уходит на то, чтобы подарить десять тысяч цветков. Они распускаются все разом за несколько минут. Как только семена созреют, растение умирает. Их предки видели динозавров, представляешь? Оно живет ради единственного в жизни цветения, чтобы сразу умереть. Вот бы увидеть это чудо! Я буду самой счастливой на свете, если увижу ее цветы!

– А скоро она зацветет?

– Когда зацветет, никто не знает. Моей крошке перевалило за сто тридцать пять. Ее транспортировка сюда обошлась

в сорок пять миллионов, а грузили через купол с вертолета. Те, кто знал, что это за «кактус», делали ставки, как скоро Пуйя загнется. Оптимисты давали год. Этот срок вышел пять лет назад.

– Пять лет назад? Ты занимаешься... всем этим с четырнадцати?

– С двенадцати вообще-то. Здесь мой Эдем. Мой райский сад, Кирочка. А мы с Костей станем в нем Адамом и Евой.

– Но Адам и Ева не остались в раю...

Алла одобрительно кивнула:

– Вкусив запретный плод. Это было даже не яблоко, ты не знала? И оно не символизирует, гм... Яблоко – символ запретных знаний. Если чего-то нельзя – не делай. И не спрашивай почему. И не пытайся объяснить, почему можно. Нет, и все. Но они вкусили. И я тоже.

– А тебе что-нибудь вообще нельзя? У тебя есть свой плод? – начала я понемногу понимать ее аллегорический способ выражать свои мысли.

– Только одно, Кирочка. Мне нельзя делать только одно.

– И что?

Она водила пальцами по монитору жизненных показателей Пуйи, как беспокойная родственница в палате реанимации безнадежно больного, который все еще жив благодаря ее усилиям и мольбам.

– Снимать вот это, – опустила Алла глаза на золотое пухлое кольцо на мизинце.

Глава 4

Небоокий Серый

Теперь, зная, что Костя с Аллой помолвлены, я хотя бы разобралась, кто он такой и почему живет с ними в одном доме. Может, из-за оранжереи Аллы, полной ядов и летучих мышей, Костя так настоятельно советовал мне уехать в первый день. Другой причины я не видела, а скрытые камеры он просто выдумал, параноик.

Камеры в доме были, но никакие не скрытые. Висели по углам коридоров выпуклыми буграми, как в торговых центрах. Еще бы! Такой огромный и богатый дом. Да даже дома, которых на участке поместья десяток. Как можно их не охранять, когда тут каждая дверная ручка стоит как половина нашей кредитной тачки?

Работа Аллы в оранжерее впечатляла. И даже шокировала. Размышляя, что с ее мозгами Алла закончит выпускной класс за три с половиной часа, оставив меня куковать одну, я вошла в холл Каземата и заметила стоящих ко мне спиной Яну с Максимом.

На повышенных тонах они спорили в проеме кухонной арки, поддерживая своды, словно два Титана.

Максим кривил рот и орал на нее:

– Нет! Я сказал «нет»! С первого раза не расслышала?!

Я пошла в их сторону, громко шаркая, только чтобы Макс

меня заметил и перестал наезжать на ассистентку. Откуда я знаю, из-за чего они поругались? Может, они и вовсе любовники. Но представить не получилось. Пазл их душ в моем воображении не совпадал. Я пробовала и так, и эдак, но получала сплошной рикошет.

Яна и Максим отпрыгивали друг от друга шариками для пинг-понга от теннисного стола. Никакие пары что-то у меня не совпадали в этом странном доме, или это моя система купидонши дала сбой без длительного использования?

Замотав головой, я нацелилась на графин с водой.

– Кира... – заметил меня Максим, – ты так тихо ходишь.

– Можно водички попить?

Я всегда просила попить водички, чтобы отвлечь и отвлечься. Просьба стакана воды – что может быть гуманней и невинней, как не напоить страдающего? И ссора сразу сходит на нет.

– Не переусердствуй, – подсказал Максим. – Шесть литров воды, и ты труп.

Я прыснула сквозь раздутые щеки фонтаном на скатерть, задумавшись, не стоял ли в этом кувшине букетик ядовитых ландышей, о которых недавно говорила Алла.

Макс резанул взглядом по Яне.

– Разговор окончен. Яна, – пригвоздил он ее к опоре кухонной арки одним именем, – еще раз заикнешься, и... – обернулся он на стук крышки, что выпала у меня из рук, когда я открыла совершенно новую, не отпитуемую бутылку с во-

дой, – вылетишь отсюда пробкой.

Ассистентка вжималась спиной в побелку, почти сливаясь с ней тоном кожи.

– Максим Сергеевич, я...

– Закончен! – рывкнул он. – Уходи. Сейчас же.

– Подпишите для отчета, – протянула она дрожащей рукой Максиму планшет и стилус, – ваши неоплаченные счета за нарушения правил дорожного движения погашены.

Максим быстро чиркнул по экрану, швыряя стилус поверх него.

Не поднимая на меня взгляда, сутулясь и прижимая органайзеры и мобильные телефоны, Яна удалилась с кухни, мелко семеня каблуками. Я видела ее в галерее сильной и уверенной. Что же могло между ними произойти, чтобы Макс сумел вывести такую, как Яна, из равновесия, что и дорожные каблуки на ногах не держат?

Или во всем виноват пол из булыжников?

– Что случилось? Я свидетель... – попробовала я пошутить, протягивая ему стакан воды.

– Ничего, Кирыч. Ничего не случилось. И не случится, – оперся он руками о столешницу, отставляя воду. – Как ты? Как тебе здесь? – переводил он взгляд то на меня, то на бутылки с водой, то на свою руку в красной перчатке.

– У вас круто. Картины, резные двери, Каземат, – чиркнула я по полу из тугих горбинок темного булыжника. – У Аллы в парнике столетний кактус, который цветет раз в жизни.

Мы ходили на него смотреть в респираторах. Умная у тебя сестра. Мне б такую.

Он сжал пальцами скатерть, скомкал ее всю и швырнул на пол, роняя перечницу, солонку и рассыпая сахар.

– Ты чего?!

– Бойся своих желаний, Кирыч. Сестру, – усмехнулся он. – Думаешь, она божий одуванчик?

– Ну есть в ней немного странного. Просто умная. Мало кто понимает таких.

Он собирался уйти, но я обогнула столешницу, оказавшись ровно на том же месте под аркой, где недавно стояла Яна.

– Максим, подожди. Можно с тобой поговорить? Это важно для меня.

– О чем?

– О пикнике, который был восемь лет назад. После него я ничего не помню. Все стерто. Но там... что-то случилось. Ты был там тоже. Может, ты что-нибудь вспомнишь про нас?

– Про нас? – сузились его глаза, пока он разминал, сгибая и разгибая, пальцы правой руки.

Я пояснила:

– Про тебя, меня, Аллу, наших родителей? Расскажи мне про тот день. Можешь?

Максим вытянул руки, но тут же отпрянул и сделал два шага назад. Он собирался что-то ответить, но со стороны входной двери раздались голоса.

Максим выглядел напряженно: ссутулился, будто это должно было помочь его телу высотой в сто восемьдесят пять сантиметров стать незаметней, нагнулся к моему уху, но ничего произнести не успел.

Я почувствовала только его горячий вздох, пронесшийся по мне волной от кончиков волос до шестого пальца на левой ноге.

В холл, а потом и на кухню вошли Алла с Яной. Заметив Макса, Яна быстро отвела взгляд, делая вид, что внимательно слушает болтовню Аллы и что-то строчит за ней в органайзер.

Геката ринулась девушкам под ноги, скребя по туфлям Яны. Подобрав зверька, ассистентка посадила его на плечо неумолкающей невесты.

– Кирочка, – подлетела ко мне Алла, почесывая недовольного хорька за ухом, – я совсем забыла рассказать про школьный проект. Хорошо, что Яна напомнила. Называется «Свер-Х» – Самый Внушительный Ежегодный Результат – Икс, или просто «Сверх». Кто-то лучший, и он сверх.

Максим грубо перебил:

– Точняк. Лучше, когда кто-то сверху.

– Очень по-взрослому, – одернула она его. – Покаялся бы за дурные мысли. Еще и при госте!

Яна дернула уголок рта в довольной ухмылке. Если она не могла перечить сыну босса, то Алла могла затыкать брата сколько угодно.

– Кто-то сверх обычного, – договорила Алла. – Проект может быть любым. Хоть рисунок, хоть космолет, хоть танец. Главное – показать что-то сверх ожидаемого. Что-то важное для тебя как для криэйтора, как для творца.

– Сверх ожидаемого? Ал, это точно не ко мне. Я ничего особенного не умею.

– Приз десять миллионов и обучение в любом вузе страны, – вывалила Алла главный козырь. – Подумай! В прошлом году рисунок на вырванной из тетрадки клетчатой страничке выиграл. Никогда не знаешь, кого выберет жюри. В конкурсе все равны и судят не по уровню IQ.

– А ты участвуешь? С огромным кактусом в цветочек? – предположила я самое очевидное.

Разве есть еще ученики со стопятидесятилетним вымирающим кактусом в домашнем парнике?

Макс нервно хохотнул в голос, покачиваясь туда-обратно на высоком барном стуле.

– Участвую, – недовольно покосилась на него Алла, – в категории «Наука».

– Сестренка... – повис теперь Максим на плечах Яны и Аллы, вставая между ними, – твой проект, – сомкнул он указательный и большой палец на манер дегустатора, рассказывающего о божественном вкусе блюда, – свернет комиссии остатки мозгов! А заодно и нам всем тоже.

Макс посмотрел на меня, ища поддержки или одобрения, ведь больше никто из присутствующих не велся на его крив-

ляние и актерское мастерство.

– Боже сохрани, господи помилуй раба твоего Максима, – застонала Алла, сбрасывая руку брата. – Прекрати это. Молю, прекрати такое поведение!

– Или что? Подаришь мне ландыши? – подмигнул он мне.

Ландыши? На что это он намекает? Или просто пытается выбесить набожную конгениальную сестру, за счет научных открытий которой он сам имеет все это?

– Идем, Яна, – потянула Алла ассистентку вверх по лестнице в сторону своей комнаты, – я передам отцу новые законченные уравнения.

Как только они удалились, лицо Максима изменилось. Он перестал дурачиться и строго на меня посмотрел:

– Ты хочешь выиграть в конкурсе «Сверх», Кирыч? Скажи, хочешь или нет?

– Ну... да. Конечно. Любой вуз и десять миллионов. Это бы... изменило мою жизнь.

– А куда ты хочешь поступить?

– Туда, где пишут предсказания для китайских печенюшек.

– Шутишь? – улыбнулся он, перестав на мгновение расчесывать руку. – Печенюшки с предсказанием?

– Обожаю их. А еще... Еще я обожаю искать ответы, Макс. На загадки прошлого. В моей семье сотни тайн. Мне бы разгадать хоть парочку, – вздохнула я, – но пока ответы нахожу только в печенюшках.

– Тогда учись на следователя. Будешь как Мод Вест.

– Как кто?

– В тысяча девятьсот пятом она открыла первое детективное агентство и стала его хозяйкой. Ее называли Видоком в юбке. Переодевалась то мужчиной, то бродягой, чтобы дела раскрывать. Влезала в скандалы, шпионила, жила на острие ножа, что в те годы не каждая могла себе позволить.

Я почти рассмеялась, дотягиваясь до кухонных ножей на магнитной полоске. Взяв один, приблизила лезвие прямо к глазам.

– Всегда хотела научиться метать ножики. И стрелять. Но предки не разрешили.

Максим обошел меня со спины и вытянул мою руку, распрямив ее в локте, прицелился и опустил подбородок мне на плечо, чтобы сравняться в росте.

– А куда я должна попасть?

– Не думай, просто чувствуй. И цель притянет оружие сама.

Он дважды приподнял мой локоть, выбирая, в какой стороне искать достойную цель.

– Готова? – навел он кончик ножа на полку, уставленную фотографиями в тяжелом серебре фамильных рамок.

– Не уверена, что смогу. Это же люди.

– Просто фотки.

– И кого ты видишь целью? Не говори, что сестру, – ужаснулась я от мысли, что мы воткнем нож в фотографию Аллы.

– Закрой глаза, – натянул он мой согнутый локоть, шепча прямо в ухо, – выпрямляй и бей!

Все было сделано правильно, и нож угодил бы в самое яблочко, но я не смогла разжать ладонь, не смогла отпустить рукоять, и ножик упал нам с Максимом под ноги, загрохотав по булыжникам.

Я нагнулась за лезвием, рассматривая, не повредилось ли оно. Максим оказался напротив и его глаза блеснули в отражении. Красным, алым, кровавым.

– Твои глаза, – опустила я лезвие, – что это с ними?
Белки его глаз затянулись выпуклой алой паутиной.
– Что?..

Взяв его за руку, я почувствовала, как похолодела его кожа. Он тут же стряс мое прикосновение, словно я была присосавшейся к его не защищенному комбинезоном телу пиявкой из парника Аллы.

Ринувшись к зеркальной поверхности духовки, Максим принялся оттягивать веки, проверяя свои глаза.

– Твою ж... – резко обернулся он и начал срывать с петель створки кухонных ящиков.

– Максим... что происходит? Лекарства? Что ты потерял? Мне позвать на помощь?

– Кира, – обернулся он, держась руками за столешницу между нами, – уходи...

Максим наконец-то нашел, что искал. Под мойкой стояли плотные ряды одинаковых стеклянных бутылей без подписи.

Вырывая из них серые пробки, Максим начал глотать содержимое, проливая на одежду.

– Уходи, Кира! – выкрикнул он, наконец оставив бутылку в покое. – Здесь не на что смотреть...

– Что? Нет! У тебя же приступ!

Максим не отпускал руки от висков. Его лицо перекашивала судорога боли, зубы чуть не прокусывали губы.

– Да что за фигня... – рухнул он на пол, проводя руками по рассыпанному сахару, соли и перцу, – череп... раскалывается.

– Яна, Алла, – закричала я в проем лестницы, – помогите! Алла, где вы?!

– Кирочка, – бежала Алла вниз, сжимая в руках исписанные гусиным пером листы, – что случилось? Что ты кричишь?

– Максим упал! Он покраснел, выпил из какой-то бутылки, схватился за голову и рухнул. «Скорую»! Нужно «Скорую» вызвать!

Алла замерла у основания лестницы. Она крестилась и беспомощно озиралась по сторонам.

– Я вызову, – обогнула ее Яна, опускаясь возле Максима на корточки. – Максим Сергеевич, вы меня слышите? – отодвигала она его зрачки. – Он в сознании. Дышит. Помогите перетащить его на диван.

Хрупкая Алла держала одну только ногу, а мы с Яной тащили Максима, подхватив под руки.

– Что произошло? – спрашивала Яна, набирая номер. – Как он упал?

– Сначала его глаза покраснели, – вспоминала хронологию, – потом он выпил из бутылок под раковиной.

Я сбегала за брошенной на полу тарой, и Яна понюхала горлышко, разгоняя аромат ладошкой.

– Это физраствор. Его будет рвать, – отошла Яна от скрючившегося на диване Максима. – Алла Сергеевна, принесите холодное мокрое полотенце, а ты, Кира, сбегай в ванную за ведром. Я вызову врачей.

Исполняя просьбу, я не сводила взгляда с Максима. Ему было больно. Приступ походил на припадок эпилепсии. И пока Яна, Алла и я разошлись от него в три стороны, смотрел он только на меня. Смотрел и что-то шептал одними губами.

Перемахивая шпагатом из своего гимнастического прошлого через все ступени, я вернулась с ведром, а Алла с мокрой скатертью, которую Максим недавно сорвал с кухонного стола.

– Теперь идите, врачи сейчас будут, – положила Яна мокрую скатерть на лоб Максиму. – Вам, Алла Сергеевна, лучше поехать в квартиру Константина. Евгений отвезет, а тебе, Кира, – подняла она меня обеспокоенный взгляд, – лучше побыть у себя в комнате.

– Я не боюсь какой-то рвоты! Я не уйду!

Но об этом тут же попросил и Максим.

Его голос был слаб, губы посинели, и он еле ворочал язы-

КОМ:

– Уходи... – прошептал он, смыкая ставшие совсем красными глаза.

Отказать ему или спорить... в такой ситуации? Я переглянулась с Аллой, и она молебно сложила ладони:

– Ему помогут... Иди, Кирочка. Все потом.

В дверях Алла столкнулась с бригадой «Скорой», а Максима как раз трижды вывернуло. Он открыл глаза и схватил меня за руку ледяными пальцами, прохрипев:

– Кира...

– Проходите, – торопилась Яна с врачами, – похоже на приступ сильной аллергии. Я не знаю, на что она. Он выпил физраствор, и его вырвало.

Яна вела себя в стрессовой ситуации наиболее адекватно. Алла только молилась и суежилась, выбежав босиком к «Ауди» Жени. Я не могла принять решение: уйти или остаться? Что делать, как помочь? Хорошо, что Яна всегда была в доме.

Из-за чего бы Максим с ней ни ссорился, сейчас она единственная спасала его.

Двое медбратьев несли ширму, катили треногу для капельницы, а Яна жестом поторопила меня, чтобы шла к себе, когда Максим застонал и его вырвало снова на красные туфли ассистентки, но она даже не шелохнулась, только провела рукой по спутанным волосам Максима, сказав:

– Все проходит. И это тоже.

Ничего не оставалось, как уйти. Я ничем не могла помочь сейчас Максу. Яна сказала, что у него аллергия. Интересно на что? То списки ходят собирают, кто на какую пыль чихает, то задыхаются и блюют на ровном месте?

Спустя сутки в доме Воронцовых я была готова впервые перешагнуть порог своей комнаты. Второй этаж. Вот первая дверь – с наклейками журавля, там обитает Костя. Следующая определенно вела в комнату Максима. Не нужно быть следователем, чтобы понять это по прибитым вкривь и вкось старым номерным автомобильным знакам.

Оставалось еще две двери.

– Это точно не моя... – сделала я железобетонный вывод, припоминая данное дому прозвище – Каземат.

Дверь вела в комнату Аллы. Она была сплошь черной, словно обгоревшей по краям, но гладкой в центре. После прикосновения я бы сравнила ее со школьной доской, по которой удобно писать мелом. По периметру дверь освещали разнообразные масляные лампы вперемешку с подсвечниками для свечей и даже пара потушенных факелов.

Я нервно дернула плечом, успокоившись, когда выхватила взглядом проведенную по потолку систему пожарной безопасности.

То, что дверь ведет к Алле, было понятно не по цвету покрытия, не по факелам и очередной панели открытия по отпечатку ладони, а по тому, что дверь ее была исписана вот

ЭТИМ:

$$K5C(2), 2A \infty G3 = k1 + k2 + m (- mi2??) = a$$

Кусок уравнения со значением « $mi2$ » был обведен жирным красным кругом.

Сотни перевернутых во все стороны знаков вопроса облепили уравнение. Вопросительные знаки были кривыми, косыми, зеркальными, с тремя точками, с пятью петлями, идущими из одного места. Символы опускались с двери на пол, вываливались на деревянные доски пола и почти достигали края лестницы.

Если Алла понимала, что тут написано, как же я буду обыгрывать ее в конкурсе «Сверх»? Манили только приз в десять миллионов и проходка в вуз. Два этих пункта облегчили бы мою жизнь вдвое (привет, мам!).

Чиркнув носком кроссовка по беспощадно испорченному белым маркером дереву, я развернулась к своей двери, но успела сделать только половину шага, врезавшись в чью-то грудную клетку.

– Твою ж! – подпрыгнула я. – Колокольчики носите, что ли, а не кольца!

– Прости. Напугал? – отшатнулся от меня Костя.

Он приблизился к двери и коснулся пальцами засохшего красного кружка, который обводил белые символы « $mi2$ ».

– Помада, – сделал он вывод, растирая красный пигмент между пальцев.

– Костя! Почему ты здесь?! Алла поехала за тобой на ка-

кую-то квартиру.

– Проектную?

– Наверное. А у тебя их две?

– Я читал. На крыше. Там нет камер.

– Опять про камеры... Здесь их тоже нет. Только для безопасности.

– Знаю, Кира. Я сам установил все программное обеспечение в поместье и оранжерее. Что там внизу? Что за шум?

– Максиму стало плохо. «Скорую» вызвали. Часто с ним такое?

– Пару раз видел... – перегнулся через перила Костя. – Но он не признается, что за недуг. После приступа...

– Что?

– Ему сносит голову. У Макса нет тормозов, не может остановиться. Ни со скоростью за рулем, ни с девушками, ни с безумными идеями. Держись от него подальше, Кира. А лучше...

– Уезжай? Это ты собирался сказать?

– Да, лучше уезжай.

– Ни за что. То, что я здесь, – не твоя проблема!

Его тонкий рот дернулся то ли в улыбке, то ли в спазме. Все в этом доме улыбались через силу или через боль. Костя приближался ко мне, продолжая говорить, пока я отступала назад.

Его голос звучал приглушенно.

– Вот это, – кивнул он на дверь с уравнением, – твоя про-

блема.

– Плевать мне на эти закарючки. Я тут при чем?

– В этом доме, в этой семье все при чем-то.

По лестнице кто-то поднимался, и Костя быстро прижал руку к панели, датчики замигали зеленым, раздался короткий перезвон, он схватил меня за локоть, и мы ввалились в комнату Аллы. Переглянувшись, синхронно ринулись под огромную кровать, когда сигналы открытия двери проиграли еще раз.

Я даже не успела нормально все вокруг разглядеть. Увидела только сотни стеллажей и полочек, поделенных на тысячи квадратов, внутри которых хранились пузырьки, коробочки, колбы и мензурки.

Рядом с моим ухом дышал Костя, прижимая палец к губам, пока тонкие шпильки каблуков прошли мимо нас, огороженных тяжелым свисающим покрывалом. Потом стук на мгновение притих и снова повторился тем же путем в обратную сторону.

Дверь захлопнулась.

– Это Яна, – зашептала я, толкнув его в плечо, – они были здесь с Аллой, когда у Максима случился приступ.

Зажегся фонарик мобильного. Костя лежал на спине и хмурился.

– Нужно выбираться, – зашевелилась я. – Будет странно, если мы вдвоем вылезем из-под кровати твоей невесты.

– Подожди, – остановил он меня, но я аккуратно выкру-

тила руку.

– Слушай, я не могу уехать, пойми, Костя. В школе – ад, дома не лучше, – понесло меня на исповедь, наверное, в храме ладаном надышалась. – Мама болеет. Она жарит аквариумных рыбок, болтает с енотами, носится по городу с тлякой и кустом герани, режет мои фотки зигзагом, а у меня на ноге шесть пальцев.

– Что?..

– Твое «что» сейчас про что? Про маму, палец или рыбок?

– Про все. И про палец. У тебя шесть? На ноге?

– Ага... Это после ужина радиоактивными кроликами.

– Хорошо, что не рыбками.

– Их только мама ела. Ее потом пронесло шестьдесят раз.

Но обошлось. С кустом герани она ловко прыгала спустя пару дней, и отец меня отправил сюда. Закончить выпускной класс, определиться с универом. А еще конкурс «Сверх». Я могу с номером на коньках выступить. Я хоккеем занималась и гимнастикой. Десять миллионов и вуз... настоящая мечта. Поэтому я не уеду. Здесь ответы, Костя. К прошлому. И шанс на будущее. Дверь на свободу!

– Ты не в клетке, Кира. Дверь все еще открыта.

– Никто не запрет моего журавля, Костя, не переживай.

Не зря же я Журавлева.

Костя чуть не шарахнулся головой об остов кровати, слишком быстро пытаясь повернуться ко мне.

– Ты Журавлева и у тебя шесть пальцев на ноге?

– А ты фетишист? По журавлям или пальцам?

– На Куршской косе я работал орнитологом. На птичьей станции Фрингилла. Там живут два журавля. Самец с голубыми глазами и самка с шестью пальцами на лапке.

Я посмотрела в его глаза цвета неба и на золотое кольцо на мизинце.

– А потом тебя окольцевали, – кивнула я на его руку, – и кто из нас в клетке, Костя?

Он мял руками и свои пальцы, и кольцо, и, чтобы он не выжал сок из костей и сухожилий, я остановила его, накрыв его руку ладонью. Из-под согнувшейся манжеты его рубашки показался кусок татуировки, похожей на перо или крыло.

Костя быстрее вернул манжету на место, и мы наконец-то поменяли горизонтальное положение тел на вертикальное. Ничего не сказав, разошлись по своим комнатам.

Оказавшись наконец-то у себя, я аккуратно огляделась. Комната была такой же огромной, как остальные. Раз в десять больше нужного для одного человека. Или я слишком долго протусила в спальне не больше десяти квадратных метров?

В отличие от комнаты Аллы с задернутыми портьерами, черными стенами и тяжелым покрывалом, в моей все оказалось бежево-белым. Только люстра выдавала причастность дома к любителям флоры. С потолка свисала сложная конструкция со стеклянными соцветиями, листьями, стеблями,

заполняя собой половину потолочного прямоугольника.

Возле огромного окна со стеклами до пола стоял рабочий стол с современным ноутбуком, который я даже не знала, как включить. Рядом лежали планшетка, аккуратный канцелярский набор, пробковая доска с приколотыми открытками «добро пожаловать», а рядом фонтанчики надувных гелевых шаров с такими же приветственными надписями.

Я достала из рюкзака фотографию с детской площадки и приколотила ее кнопками возле рабочего стола, взлохматила волосы, разлеглась на локтях по столешнице, поглядывая на уголок снимка, трепыхавшегося в сквозняке приоткрытого окна.

На поверхности зеркала прямо передо мной высветилась цифровая надпись, и раздался легкий сигнал, похожий на будильник: *«Выездной ужин состоится в ресторане «Акация» в 19:00. Машина будет ждать в 18:40 на подъездной дорожке. Дресс-код – смарт кэжуал. Можно надеть короткое коктейльное платье с блейзером (это такой женский пиджак). Яна family assistant».*

– Спасибо за расшифровку слова «блейзер», Янка. А слабо тебе расшифровать писанину Аллы на двери?

Решив разобрать чемодан, я распахнула створки шкафа.

– Я что... снова ошиблась комнатой?

Полки и вешалки ломились от одежды. Вся она была в прозрачных чехлах и с бирками – совершенно новая. Тут были платья, юбки, пиджаки, брюки, блузки. Упаковки ниж-

него белья, колготок, ремни, ночные спальные комплекты, спортивные брюки, шорты и носки с гольфами всех цветов. Что-то в стразах, что-то яркое, что-то черное, белое и серое.

Выдвинув пару ящичков, я наткнулась на боди, чулки и пояса, к которым даже в магазине стеснялась прикоснуться.

Для гимнастики я была недостаточно женственной, в хоккее – чересчур. С тех пор я балансировала где-то между – в драных джинсах, но с распущенными волосами. В стоптанных кедах, но в коротком топике без рубашки.

Внимание парней перестало меня бесить, но найти до восемнадцати хоть кого-то, с кем бы не противно было целоваться (уже молчу про большее), до сих пор не получилось. Может, нужно пореже включать передачу «отвали» и катить какое-то время на нейтралке, чтобы парни успевали прокатиться рядом со мной.

Понимая, что из-за приступа Максима ни на какой ужин мы не поедem, я выудила темно-синее платье.

Оно было размера оверсайз. Сшито из фатина с яркой вышивкой алых маков на юбке. В письменном столе я нашла ножницы и в лучших традициях своей матери искромсала подол, полностью его уничтожив. Оставшуюся широкую сетку надела поверх своего топа и укороченных обтягивающих джинсов с рваными коленками. На ногах стоптанные кеды, и, так уж и быть, не стану завершать образ кепкой козырьком назад. Оставлю волосы распущенными, когда меня снова позовут на ужин.

Белые паруса штор врывались в окно, наполняя комнату кислородом. Пахло лесом. Желтые пылинки хвойной пыли кружились в солнечных лучах – я видела лишь угодившие в солнечный поток, но сколько тысяч остальных осталось рядом неподсвеченными – я не замечала. Они просто были. Рядом. Вокруг. На мне и внутри меня.

Что, если Костя видит Аллу так же – подсвеченной солнцем, лишь небольшую ее часть, которую он любит? Но сколько всего остается рядом во мраке и тени. Нужно ли попробовать рассмотреть обратную сторону? Или в любви неважно, что ты видишь, главное то, что чувствуешь?

Завалившись на кровать, я принялась крутить в голове пазлы Аллы и Кости, состыковывая их вместе. У меня разок получилось, когда я трижды ударила по «счастливой парочке» воображаемым молотком, подправляя края мозаики.

Макс не клеился к Яне, Алла совпадала с Костей, если постучать по ним кувалдой, а что насчет меня?

Если уж я пытаюсь сложить всех вокруг, почему не провести эксперимент на себе?

Вообразив пазлами себя и Макса, я закрыла глаза, перебарывая дремоту. Овальные грани наших тел, сотканых из мозаики, кружились в золотой пыли и неслись навстречу друг другу. Я улыбнулась и вытянула руки. Золотое свечение окутало, запеленало, обернуло в негу и тепло. Мы вот-вот должны были соединиться рисунками границ наших фигур (в смысле тел), если бы не стук, при каждом ударе которого

мы с Максом отдалялись.

Тук. И фигура Максима столь далеко на горизонте, что не разглядеть лица.

Тук-тук. И он превращается в ворона, парящего над пшеничным полем, усыпанным снегом.

Тук-тук-тук. И я вижу... Что?! Пусть мой полусон не исчезает! Что там? Что?!

– Кира? – снова стук. – Ты спишь?

Я чиркнула руками по пустоте видения и распахнула глаза, слыша, как храпанула в голос. Захлопнув рот, сонно прохрипела:

– Кто там?..

– Максимилиан, – заглянула в щель голова Макса. – Можно?

Я поднялась на локтях, перекатываясь на бок:

– Уже завтра?

– Пока сегодня.

– Сколько времени? Зачем ты встал? Тебе отдыхать нужно.

– Отдохну на том свете. Я в порядке. Ты спала четыре часа, и я тоже... восстановился.

Максим вошел в комнату и сел на край кровати у меня в ногах. Он выглядел... бодрым и румяным. Совсем не как человек, которого несколько часов назад выворачивало в ведро десятков раз, которому светили в зрачки фонариком и вызывали «Скорую».

– Жаль, что ты... увидела все это.

В руках он теребил красные водительские перчатки без пальцев, изредка поглядывая на меня.

– Что с тобой? Что за приступ?

– Аллергия, – поежился он, словно прогонял с поверхности кожи остатки воспоминаний о пережитой боли. – Неизвестно на что. Когда-то врач советовал сразу прочищать желудок, если... это начинается.

– А ты не можешь сдать тест? Аллергию по крови можно определить.

– Сдавал. Не выявили. Ты не переживай, – покачал он мою ногу за лодыжку, – у Аллы есть средства... которые мне помогают быстро прийти в норму. Моментально.

Встав с кровати, Максим бросил на спинку стула кожаную куртку. Он успел привести себя в порядок, принять душ и побриться. Выглядел не как только что находившийся при смерти аллергик с анафилактическим шоком, а как собравшийся на фотосессию гламурный властитель мира – начищенные ботинки, твидовые узкие брюки в широкую клетку, коричневая, почти шоколадного цвета рубашка, бессменные запонки на широких манжетах, бессменное кольцо на мизинце с таинственной гравировкой.

Я не была сильна в моде и не читала все подряд глянце-вые журналы, как Светка, но даже мне было ясно, что его красные перчатки для вождения и красная кожаная куртка – способ подать сигнал. А какой сигнал ассоциируется с крас-

ным? Остановись, опасность, стоп.

Вот только кому он посылает их?

Максим выдернул булавку из фотографии, что была приколата на пробковую доску.

– Я встретил тебя впервые на том пикнике, когда наши родители пересеклись в Солнечногорске.

– Все, что было до пикника, я не помню. Третий класс пропустила. Что-то всплывает в памяти: как бабушка у нас жила, как психовала мама, как молчал отец. Но они не рассказывают правду. А ты помнишь что-нибудь? Почему тот день?

Я подошла к Максиму, ткнув пальцем в нас с ним на снимке:

– Вот ты, Алла и я. С нами еще кто-то был, но видишь – мама обрезала тут зигзагом. Кто стоял? Знаешь кто?

Максим пожал плечами:

– В тот день было много народу. Куча детей. Мы играли и бесились. Мало ли кто влез в объектив. Прости, Кирыч, ничего особенного я не помню, – приколол он снимок обратно к доске, побыстрее от него отворачиваясь.

– А неособенное? Максим, – коснулась я его ладони, – пожалуйста, что угодно. Расскажи. Даже если это бред.

– Ну, если бред... Я помню, там отмечали день рождения. Ростовые ряженые куклы пугали нас своим размером. Взрывалось конфетти. Торт помню. Шоколадный, по теме из ко-

микса. Нам тоже дали попробовать, не разбирая, кто из детей гость, а кто тусит на халяву. Предков помню. У матери, – обернулся он на снимок, – на губах была яркая алая помада. Ну что? Достаточно?

– Хоть что-то. Спасибо.

– Обращайся.

Я заметила, что он выдохнул с облегчением, обрадовавшись, что наш разговор о пикнике окончен.

– Поедем в ресторан? Я отвезу. Отец не терпит опозданий, а мать послала Яну в хранилище ее побрякушек. Значит, от их общества нам не отвертеться.

– Максим, ты же... ты только-только очухался от состояния «бревно»! Какой ресторан?

– Бревном я никогда ни на ком не валяюсь, – коснулся он моего локтя. – Волшебные жижи Алки ставят на ноги даже трупы. Я в норме, Кира. Чувствую себя превосходно. Вот, – протянул он алкотестер с белым одноразовым колпачком. – Проверь. Специально прихватил, чтобы ты убедилась. Я трезв и адекватен.

Он поднес черный пластиковый прибор к моим губам. Чтобы скорее закончить с этим, я дунула в трубку. Раздался звуковой сигнал, и на экране высветились цифры ноль целых две сотых.

Макс улыбнулся, сменил колпачок и дунул сам. Мощностью его выдоха достигла и меня, окутывая ананасовым флером. Тест показал ноль целых одну сотую.

– Меньше, чем у тебя, Кирыч. А все, что меньше шестнадцати сотых, означает трезвость.

– Встань, проверю дедовским способом, – должна была я убедиться по старинке, что он в состоянии вести машину. – Закрой глаза. Вытяни руки и коснись носа указательным пальцем сначала левой, потом правой рукой.

Я стояла напротив, диктуя, что ему делать.

– Теперь покрутись вокруг своей оси. Подпрыгни. Десять раз. Эй, не заваливайся! Последний тест.

– Уверена? – запыхался он.

– Лови! – отбила я рукой в его сторону надувной воздушный шарик с пола, которыми была украшена комната. – Не давай ему упасть. Отбивать можно только кончиками пальцев.

– Легкотня! – принялся он подкидывать шарик, как волейбольный.

– Кончиками пальцев ног, – язвительно прищурилась я.

Шарик приземлился ему на лоб.

– Пальцами ног?! Кирыч, ты сама-то так сможешь? – сделал он подачу шарика в мою сторону.

Конечно, я могла. Это же элемент креативной тренировки на растяжку в гимнастике, чтобы детям было веселее. Вытянув ногу в вертикальном шпагате, я отбила первый раз. Упав руками на пол, в мостике отбила второй. Держась за его плечо, сделала переворот солнцем, отбивая левой, потом правой.

– Кира! – рассмеялся он, думая, что я упаду, и подхватил меня под лопатками.

По инерции он опустил меня на кровать и оказался совсем близко. Мы оба запыхались, врезаясь друг в друга частыми выдохами. Что бы сказала Светка, если бы я поцеловала Максима Воронцова спустя сутки после знакомства? Если бы поцеловала парня первой?

Оставалось подняться на лопатки, и я коснулась бы его губ.

Его чуть раскосые глаза смотрели на меня не моргая, губы дрогнули и приоткрылись. Я знала, он тоже был готов: глаза метнулись к моим губам... Но что-то изменилось. Резко. В мгновение.

Я моргнула, и это уже был не Максим.

Страх. Вот что сменило его страсть. Он смотрел на меня... в ужасе, почти в панике.

Что не так? Сопля в ноздре? Петрушка между зубов? Нет... мало... Никакой петрушки и сопли не хватит, чтобы напугать кого-то вот так! Он резко отпрянул и отвернулся, подскакивая с кровати.

– Нужно ехать. Жду внизу.

Когда я спустилась (почистив зубы и высморкав нос), Максим курил вейп, облокотившись о капот своего красного джипа. Пассажирская дверца была открыта. Максим помахал рукой. Его лицо расслабилось. Маска ужаса исчезла, как

будто ее никогда не было.

– Креативно, – прокомментировал он мой образ с обрешеченным платьем-сеткой из черного фатина и маков, надетого поверх узких джинсов и кроп-топа.

Я села в салон, соображая, как пристегнуться оранжевыми лямками, торчащими из подлокотников.

– Спортивные ремни гоночных болидов, – объяснил Максим. – Они тут для всех. И на заднем диване.

– Ты гонщик?

– Иногда.

– Это вроде бы запрещено.

– В моей жизни все запрещено, Кирыч, – пристегнул он серебряную бляшку где-то между моих бедер. – Для экстренного открытия жми в центр.

Он взял мою руку и положил палец на выпуклую кнопку в центре бляшки.

– Чувствуешь? Вот здесь, – водил он моими пальцами. – Прямо посередине. Чуть сверху.

От него пахло парфюмом, ананасом и ментоловым гелем для бритья. У меня на лбу проступила испарина, ведь я думала о чем-то совсем другом, а не об экстренной кнопке катапультирования.

– Ага, ясно... да, все понятно.

– Тогда погнали, – убрал он руки с ремня, натянул красные перчатки и обхватил руль, внимательно его рассмотрев и сбрызнув чем-то спиртовым.

Так перчатки для этого? У него верминофобия? Бойтся бактерий и микробов?

Макс завел двигатель. Я сразу почувствовала, что под капотом изрядно покопались. По одному только звуку было ясно, что машина форсированная.

– Вы с Костей давно знакомы? – начала я вроде как изда-лека, решив побольше узнать про Серого.

– Меньше года. Бизнес был общий. А потом все как-то... улетучилось. Теперь я спонсор, а он инженер, который стро-чит программное обеспечение для парников Алки и умных квартир.

– А что улетучилось?

– И бизнес. И Костян. Он изменился после аварии.

– Аварии? Что произошло?

– Большой сильный бум! – почему-то рассмеялся Макс. – Мой отец помог. Отмазал его от тюрьмы. Костян на айтиш-ника учился. Отец дал ему первые заказы. Многомилион-ные, на минуточку.

– Он придумал систему управления оранжереей Аллы?

– Ну да. На этой ноте они и спелись, когда Алла решила все компьютеризировать. Когда полив, когда удобрения, ко-гда ультрафиолет.

Макс выехал на встречу через две сплошные и обогнал на скорости сто шестьдесят вереницу из десятка машин. Я вцепилась пальцами в оранжевые ремни.

– А давно они помолвлены?

– Три месяца. Родители довольны. Особенно отец.

– Понимаю, это не мое дело, но что за диагноз был у Алены?

– Нет у нее ничего, – отмахнулся Макс, проигнорировав красный сигнал светофора, – по крайней мере, известного человечеству. Она просто... такая, какая есть. Я ненавижу в ней это, но... она моя сестра.

– Что «это»? Что можно в ней ненавидеть?

– Ее мозги, Кирыч. Ее долбаный свехумный ум, который я ненавижу.

Сделав полицейский разворот, Макс припарковался передними колесами на газоне возле центрального входа в ресторан-клуб с вывеской «Акация».

– Ты нарушил семнадцать дорожных правил, а сейчас заехал на траву, – резюмировала я строгим тоном дорожного инструктора.

– На что? – не понял он.

– На пешеходку и газон. Люди пройти не смогут! Так нельзя.

– Мест на паркинге нет. Куда деть тачку?

– Вон туда.

– К помойке? Не, Кирыч, у помойки не встану! – вышел он из салона.

Отстегнув ремень (кнопочками в центре и немного выше), я пошла следом.

Сотрудники клуба, похоже, очень хорошо знали Макса. С

ним здоровались за руку, а девушка хостес отвела нас к центральному бильярдному столу – американскому пулу, оставив меню.

Сразу же подошел официант:

– Добрый день, Максим Сергеевич! Как обычно?

– Только без пищи. Кормимся сегодня со старшими в «Акации».

– Понял! А для вас? – обратился официант ко мне.

– Воды. Простой. Без газа и лимона.

Максим расставил шары в треугольнике и протянул мне кий.

– Уже пробовала? – не отпускал он кий, направленный снизу вверх, и в этом жесте мне померещились недвусмысленные намеки.

– Даже если нет, то я быстро все схватываю, – ответила я в его же духе и обвила ладонью (пока только его кий), и именно такую картинку застали Костя с Аллой.

– Брат мой, – позвала Алла, – вы с Кирочкой уже здесь? Как я счастлива, что тебе лучше!

Обогнув стол, она поцеловала брата в щеку, пока тот морщился. Я же поскорее выпустила из рук кий и вернулась к столику попить водички, незаметно прислоня прохладный стакан к пылающим щекам.

Костя поставил рядом две чашки с кофе, посыпая пенку одной из них корицей. Он прислонился к высокому барному стулу бедром, расстегнув нижнюю пуговицу длинного серо-

го пиджака. Возле ног опустил футляр со скрипкой и папку, наверное с нотами.

– Тебя Максим привез? – спросил Костя, растирая след от оправы очков на переносице.

– Ага, нарушив сто тысяч правил. Гоняет по встрече и делает развороты на триста шестьдесят, но ты знаешь, какой он бывает.

– К сожалению.

Вечная нотка обреченности в его голосе начинала меня раздражать.

– Сейчас ты скажешь, что дружить с Максом опасно? – не шептала, а почти шипела я.

– Нет, не скажу, – огорошил он. – Ты все это уже слышала. Десятый раз повторять не буду.

Он встал и направился к Максиму, который дважды позвал его. Свой игровой кий Костя взял сам и разбил пирамиду шаров. Два полосатых сразу угодили в лузы.

– У тебя правда полное имя Альсиния? – спросила я Аллу, вспомнив, как ее назвала продавщица яблок у храма.

– Да. Очень редкое имя. Больше ни у кого в стране такого нет.

– Красивая юбка, – похвалила я ее прикид, пока она сидела рядом и тихо хлебала свое капучино с корицей.

– Благодарю! В ней нить из крапивы. Я сама плету. Шью косынки для послушниц в храме и одежду себе.

Она прикоснулась к алым кончикам своих волос, убирая

их за уши, и приблизилась, чтобы лучше слышать.

– В шумных местах бывают помехи в слуховых аппаратах.

Радиоволны, мобильники.

Я стала говорить чуть громче:

– Ты шьешь из крапивы? Сама себе шьешь одежду?

– Из крапивы в стародавние времена еще и кружево плели. Цари спали на белье только из крапивной пряжи, а если надеть шапку, откроется ясновидение. Что, конечно же, страшный грех, но так пишут в книгах. Я верю книгам. Я сама написала много научных трудов по ботанике.

– Может, там было про шапку из фольги! – пошутила я, но Алла ответила на полном серьезе:

– Нет, шапка из крапивы.

– А как ты... ну, как ты делаешь нитку?

– Собираю растения весной или в начале лета. Прогоняю через валики, чтобы получить повесму. Треплю, выбиваю, выколачиваю. Потом ошмыгиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.